

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИКОНОПОЧИТАНИЕ ИДОЛОПОКЛОНСТВОМ?

Библейский и исторический анализ
православной практики

НЕБОЛЬШАЯ
МОНОГРАФИЯ

Священное Писание и Раннехристианское Предание об иконах

*Экзегетическое и историко-богословское
исследование
догмата иконопочитания*

ТГ канал «Православным о Христе»

@TheRealOrthodoxy

Содержание

1. В чём заключается догмат иконопочитания	1
1.1. Три ключевых аспекта	2
1.2. Два “столпа” иконопочитания.....	4
2. Воплощение как основа иконопочитания?	5
2.1. Проблема отсутствия икон в ВЗ	5
2.2. Теофании Ветхого Завета	6
2.3. Подмена понятий: иконография и иконодулия	7
3. “Богословие иконы” оправдывает почитание образов?	9
4. Суть моей позиции.....	14
5. Предварительные замечания о дискурсе в свете Библии.....	18
6. Библейские доводы	22
6.1. Вторая заповедь.....	22
6.2. Второзаконие 4:15-19	25
6.3. Реакция на золотого тельца.....	28
6.4. Слова Иисуса в опровержение сатаны	30
6.5. Ответ апостола Петра Корнилию	32
6.6. Ответ ангела апостолу Иоанну	33
6.7. Бессмысленность данной практики	41
7. Раннехристианская Традиция	43
7.1. Флорилегий про почитание образов	44
7.2. Пять ключевых свидетельств	64
8. Историография и консенсус учёных	72
8.1. Христиане глазами иудеев и язычников.....	73
8.2. Историки, патрологи, искусствоведы	76
9. Подытоживание	91

Является ли иконопочитание идолопоклонством?

В данном материале я буду проводить исследование по теме иконопочитания и отстаивать классическую протестантскую позицию в отношении этого догмата.

Исследование будет многогранным, глубоким и достаточно объёмным.

В рамках данного материала мы рассмотрим и библейский текст, и раннехристианские сочинения, рассмотрим герменевтическую ошибку православных в толковании раннехристианских сочинений, а также погрузимся в научную литературу, в качестве обзора общего состояния академических исследований в отношении возникновения иконопочитания, а особенно для раскрытия позиции Ранней Церкви (преимущественно до Никейской эпохи) относительно почитания материальных образов (двухмерных изображений и статуй).

Прежде чем перейти к описанию моей позиции и аргументов за неё, хочу начать с описания официальной позиции ПЦ в отношении почитания икон, а также с “ниспровержения” двух “столпов” иконопочитания.

В чём заключается догмат иконопочитания

Многие православные, будучи поверхностно наставлены в своей вере, имеют недопонимания в отношении соборного учения об иконах.

Например, есть православные, которые считают, что отказ от непочтительного отношения к образам и есть то самое почитание, предписываемое собором (допустим, если кто-то считает недопустимым топтать изображение кого-то, то он почитает икону в согласии с православным богословием).

Есть православные, считающие, что нет необходимости через какие-то физические действия оказывать почитание образам, а достаточно лишь иметь изображения (или же что иконопочитание согласно православию опционально: что есть свобода, хочешь, почитай, хочешь, нет).

Чтобы устранить все эти недоразумения, я решил начать с описания позиции, выраженной на втором Никейском соборе, где и приняли обсуждаемый догмат (собор, созданный императрицей Ириной, под председательством её недавнего секретаря Тарасия).

Есть три ключевых аспекта, которые чаще всего не учитываются

i. Физические действия по отношению к иконам необходимы для почитания

Иконы не просто предметы искусства (пусть и имеющие мемористические и дидактические функции), а обязательно должны стать предметом культа.

Многие, даже из протестантов, считают, что византийское иконоборчество было монолитной и жёсткой оппозицией против даже допущения существования христианского искусства. На самом деле, один из отрывков из деяний второго Никейского собора подсказывает нам, что среди тех иконоборцев были также люди с более гибкой позицией. Епископы собора высказываются, осуждая даже этих верующих, следующим образом:

Некоторые говорят, что достаточно иметь иконные изображения для одного только напоминания, но не лобызать их; одно принимают, а другое отвергают, и таким образом, оказываются какими-то полулжецами, или отчасти лжецами, а отчасти говорящими истину, потому что с одной стороны исповедуют истину, а с другой говорят ложь. О, как они безумны!

- Деяние шестое, том шестой

Из этого становится очевидным, что просто довольствоваться наличием изображений в церквах нельзя! Нужно именно оказывать иконам физические жесты (а также мы узнаём, что даже иконоборцы с лояльным отношением к иконам были заклеены безумцами).

ii. Иконам нужно воздать почитание, выражающееся через конкретные действия

Этот пункт отчасти связан с предыдущим. Мы уже поняли, что лобызание икон было установлено как нечто необходимое.

Но что в целом понималось епископами собора под “почитанием”?

Это важно понять, потому что почитанием икон можно назвать, при желании, даже просто хранение изображения в доме, отказ поставить изображение в нечистых местах и т. д.

Правда же заключается в том, что епископы, говоря о необходимости почитания икон, не оставили это понятие “аморфным” и дали чёткое определение, что именно необходимо совершать по отношению к иконам. Эти действия следующие:

Приветствие икон поклонами, каждение фимиамом, возжжение свечей

перед ними (что можно назвать даже формой «жертвы»), сакральные поцелуи.

Итак, иконы нужно почитать и не просто почитать “абы как” (или толковать слово “почитание” как угодно), а именно совершать определённые культовые действия по отношению к иконам, которые предписаны собором!

iii. **Без почитания икон невозможно спастись**

Недоразумение насчёт факультативности/опциональности почитания икон (в рамках соборного определения) устраняется тем, что все, кто не почитает иконы, предаются анафеме! К слову, анафема есть не что иное, как отделение от Бога (это определение тоже взято из текста собора).

На соборе не скупилась и трижды повторили, что даже за нецелование икон верующим достаются анафемы:

«Не лобызающим святых и честных икон анафема».

«Кто не лобызает икон, как сделанных во имя Господа и святых Его, тому анафема»!

«Кто не лобызает икон, сделанных во имя Господа и святых Его, тот да будет анафема».

Эти заявления мы находим в пятом, седьмом и восьмом деяниях соответственно.

Более того, даже за целование с некоторыми сомнениями – подлежат анафеме! (и даже если человек сам идеально практикует иконопочитание в своей жизни, но не проповедует иконопочитание другим – опять подвергается анафеме!)

Нередко в межконфессиональных диалогах обрушивается неоправданный шквал критики в адрес протестантов (за нетерпимость к искусству, за фанатичность и т. д.), как раз из-за непонимания, в чём заключается позиция собора Ирины.

Учитывая то, что там не просто про дозволенность христианского искусства, а про предписание культа искусства (под строжайшей угрозой анафемы) – становится гораздо проще понять, почему протестанты критикуют данный догмат. Отношение протестантизма к искусству я рассмотрю далее, в описании своей позиции, а сейчас ограничусь следующим:

Протестанты в своём большинстве не имеют проблем с существованием искусства, пусть и в зданиях собраний, но при этом в протестантской теологии считается неуместным построение культа вокруг предметов искусства (а тем более – возведение этого в категорию необходимого для спасения)

Теперь, после того как стало понятно, какой была позиция собора Ирины, перейдем к рассмотрению двух “столпов” иконопочитания.

В дискуссиях с православными апологетами аргументация почти всегда сводится к этим двум пунктам. После соответствующей критики этих пунктов перейду к изложению своей позиции и аргументов за неё.

Два “столпа” иконопочитания

Почти всегда в диалогах с православными об иконопочитании их ответы крутятся вокруг двух понятий: Воплощение Иисуса Христа и т. н. “богословие иконы”.

Православные апологеты считают, что если понять эти два аспекта, лежащие под их практикой, то не будет никаких проблем с почитанием икон (эта идея мне кажется не только неочевидной, но и ложной. О чём дальше у меня и будет речь).

1. Воплощение как обоснование иконопочитания. Идея такова:

“Иконопочитание не практиковалось у иудеев, так как Бог был невидим, а в Новом Завете произошло Воплощение и теперь можно рисовать иконы и религиозно почитать их”. Это заявление вы очень часто будете слышать от православных апологетов, стремящихся объяснить, почему же иконы стали так актуальны именно в Новом Завете. По представлениям православных апологетов, сам факт Воплощения Слова Божьего как бы снимает запрет на изображения Бога.

2. “Богословие иконы” как обоснование создания и религиозного почитания статуй и изображений (*“Мы в конечном итоге поклоняемся не материи, а через почитание образов воздаём честь первообразам”*).

Иными словами, православные этой идеей (что честь воздаётся, в конечном итоге, не доскам, а первообразам) пытаются оправдать свою практику и объяснить различие между их практикой и практикой язычников (преподносится это так: *мы не идолопоклонники, потому что язычники считали сами иконы и статуи богами, а мы понимаем, что это лишь образы существ, которых мы почитаем. Через честь, воздаваемую образу, мы чтим первообразы*).

Воплощение как основа иконопочитания?

1.1 Проблема отсутствия икон ветхозаветных праведников

Допустим тот факт, что в Ветхом Завете не было Воплощения (и, соответственно, это было в Новом Завете), объясняет отсутствие икон Бога в ВЗ и надобность в иконах Бога в НЗ. Но даже если согласиться, что *“Бог был невидимым, а потом стал видимым, и это влияет на вопрос легитимности икон”*, это не объясняет, почему же древние иудеи не имели икон праведников, ангелов ради почитания их? Почему бы не рисовать Ноя? Еноха? Авраама? Исаака? А как насчёт пророков? Илии? Исайи?

Это не просто праздный вопрос, так как, согласно православным, почитание материальных святынь, в частности икон, весьма душеполезно. Соответственно, раз это приносит духовное благо, мы ожидаем увидеть поощрение Богом этой практики (а видим в Писании скорее обратное!).

То, что материя освящалась присутствием Господа, не оспаривается и нами. Но это не отменяет того, что нельзя сделать иконы для поклонения. Если бы одно логически повлекло за собой другое, мы увидели бы совершенно иную картину в Ветхом Завете.

Ну не делали евреи себе иконы храма, скинии, жертвенника, горящего куста.

Не делали они изображений Авраама, Исаака, Иакова, Иова, Моисея. Не украшали их, не вешали в храме или в доме. Не объявляли их чудотворными.

Не считалось, что вот именно это изображение Иова чудотворное, а вот это нет. Вот это изображение матери Авраама лечит от бесплодия и т. п. (я понимаю, что в православии это называется “народным благочестием/почитанием”, но всё же — была бы практика у иудеев, были бы и подобные народные явления).

Не просили умерших праотцов перед их иконами походатайствовать за них перед Богом (даже Еноха и Илии, которые были вознесены!). Ну нет этого всего в Библии.

В связи с этим непонятно, на что надеются православные, когда в диалоге говорят *“Бог Воплотился, а значит иконы можно почитать”*. Опять же, это заявление совершенно не отвечает на вопрос об иконах творений (которых полно в православных храмах).

1.2 Теофании Ветхого Завета: Бог явил Себя до Нового Завета

В предыдущем пункте я предложил оставить на стороне вопрос икон Самого Творца и показал, что обращение к Воплощению не решает проблему отсутствия иконопочитания в Ветхом Завете. Но работает ли это объяснение хотя бы в случае икон Бога? Нет! Проблема в том, что когда православные говорят *“Бог не проявился видимым образом тогда, а теперь уже после Воплощения можно”* – упускают два важных момента:

Во-первых, Бог проявил Себя видимым (зримым/осязаемым/физическим) образом! На страницах Танаха мы это видим неоднократно (в раннехристианской традиции, чаще всего, эти явления/теофании связываются с Логосом Божьим).

Эти эпизоды показывают, что, когда Он общался с друзьями Своими или, широко говоря, когда Бог “доверял” кому-то (знал, что это не идолопоклонник/не станет брать и делать образы), Бог вполне явил Себя зримым образом. Следовательно, сама логика, согласно которой *“там Он был невидимым, а тут видимым, а, следовательно, это оправдывает иконопочитание”* – не выдерживает критики.

Во-вторых, дело не просто и не столько в вопросе “Бог явился в зримом виде или нет?”, а в вопросе: **хочет ли Он**, чтобы Его почитали через рукотворные образы? Это ключевой вопрос! И библейский ответ – Нет!

Бог говорит в книге Второзакония (глава 4):

“Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на [горе] Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину”

Итак, Бог **специально не проявляет Себя** видимым образом (Он говорит, что вы не видели, хотя вполне мог бы делать так, чтобы они что-то понятное для себя увидели), чтобы вдруг не были сделаны материальные объекты.

Ключевая мысль здесь, кстати, не про идолопоклонство в смысле служения иным богам, а именно о желании евреев делать некий образ **Того Самого истинного Бога** и якобы через образ почитать первообраз.

Именно такое стремление здесь пресекает Бог (по сути, Он говорит: вы не можете Меня изображать, потому что Я вам ничего не показал).

Моисей “версии византийского православия”, вероятно, счёл бы это абсолютно

нелепым и, возможно, спросил бы Бога:

“Боже, а почему Ты создаешь дополнительные проблемы/преграды? Просто покажи Себя в некоей физической форме, мы сделаем образ/порисуем и пусть Твой народ будет через поклонение этому лику почитать Тебя. Делов-то!”

И на самом деле же, “объяснение” православных (что тогда не было видимого образа, а потому нельзя было, а сейчас, якобы, можно) – не отвечает на этот более фундаментальный вопрос! А почему тогда Бог просто не позволял “захватить на камеру” какое-то физическое проявление и почитать?

Заявление *“Тогда, в ВЗ, Он был невидимым”* не отвечает на критику протестантов, а всего лишь отодвигает вопрос на ещё один шаг: а почему Бог никак не пожелал проявиться при народе видимым?

И это очень важный момент. Потому что если причиной Ветхозаветных запретов является Воля Божья, то уже совершенно неважно воплотился Бог или нет.

Ибо если Бог не желает, чтобы Его почитали через изображения, то проявился ли видимо (а мы знаем, что иногда проявился и в ВЗ) или не проявился – совершенно неважно. Таким образом, факт Воплощения совершенно не способен оправдать православную практику, ввиду того, что воля Божья заключается в том, чтобы Его не изображали для почитания (и именно потому Он не проявился в понятных формах перед потенциальными идолопоклонниками и проявился перед теми, к кому было доверие). К этому пункту я ещё вернусь и сделаю подробный разбор, в разделе *“Библейские доводы”*.

1.3 Подмена понятий: иконография и иконодулия

Наконец, даже если уступить во всём этом, дело же НЕ в самом наличии изображений, а именно в культовых действиях по отношению к ним (в религиозном поклонении). Когда православный говорит: *“Было Воплощение, а потому можем изображать”* – вполне можно ответить, что да, можем и изображать. Но наше возражение не против создания изображений, а против ПОКЛОНЕНИЯ религиозному искусству! Не стоит совершать подмену понятий “икконографии” на “икконодулию”.

Таким образом, по всем этим причинам, первый “столп” иконопочитания не выдерживает критики. Факт Воплощения не способен абсолютно никак сделать легитимным поклонение иконам. Одно просто не следует из другого (далее я покажу, и это лишь подтвердит мою мысль, что в ранней Церкви очень враждебно относились к иконопочитанию, хотя, разумеется, твердо верили в Воплощение).

Как метко замечает католический специалист по искусствоведению и богословию икон Робин Маргарет Дженсен:

...проблема с объяснением перехода к почитанию материальных объектов путем утверждения нового понимания или большей оценки воплощения Христа заключается в том, что это поднимает вопрос о том, чем это учение было новым или превосходящим то, что существовало раньше.

Безусловно, христиане в более ранние века также верили в воплощение.

Павел утверждает, что Бог пришел в человеческом обличье и с человеческой плотью (Рим 8:3-4; Фил 2:5-8). Он также говорит о теле как о месте пребывания Святого Духа (1 Кор 3:16-17).

Подобные утверждения встречаются в трудах ранних постбиблейских авторов, среди которых Игнатий Антиохийский (например, Тралл. 10; Фил. 6). Большинство, если не все, ранние обличители языческих идолов утверждали и учили о воплощении Христа.

В частности, Тертуллиан писал трактаты, подтверждающие человеческое тело Христа (например, «О плоти Христовой»). Он также был одним из первых и самых ярких защитников телесного воскресения верующих (см., например, «О воскресении плоти») — в отличие от гностических учителей или манихеев, он не придерживался в целом негативного взгляда на сотворенную материю или человеческое тело.

Он настаивал лишь на том, чтобы вещи, созданные из этой сотворенной материи, не почитались и не воздавались почитанием ради самих себя.

- From Idols to Icons: The Rise of the Devotional Image in Early Christianity, стр. 147- 48

Резюме: Воплощение само по себе не легитимизирует иконопочитание, поскольку: **(а)** не объясняет отсутствие почитания икон праведников (в целом, творений) в ВЗ, **(b)** игнорирует библейские теофании (Бог вполне проявился в потенциально изображаемых “формах”, при этом, этим не аннулировался запрет), **(с)** подменяет вопрос “можно ли изображать” вопросом “можно ли поклоняться рукотворным образам”, **(d)** игнорирует факт, что ранние христиане верили в Воплощение, но не почитали иконы.

Рассмотрев первый “столп” апологии иконодулии, перейдем ко второму.

“Богословие иконы” оправдывает почитание образов?

Что касается второго “столпа” иконопочитания, т. н. “богословия иконы” (“мы в отличие от язычников не считаем материю богом”) как обоснование/поощрение создания и почитания религиозного искусства, отмечу следующее:

Несмотря на то, что это приводится в оправдание почитания икон (*т. е. идея, что православная практика не предосудительна, ввиду того, что отличается от практики язычников именно этим богословием: воздавая честь образу – мы чтим первообраз*) именно язычники и пользовались этим “богословием” для оправдания своей практики. Если это “богословие” и есть тот самый критерий, по которому отличается идолопоклонство от законной практики – то это “богословие” оказывается несостоятельным (потому что, в таком случае, нам следовало бы сказать, что и идолопоклонники не были идолопоклонниками, так как они *“поклонялись не самой материи, а первообразам”*).

Другим способом использования этого “богословия” в защите иконопочитания – является следующее:

“Да, ранние христиане не почитали иконы, но это потому что они ещё “не доросли” до этого высокого понимания, нужно было разрабатывать это самое “богословие иконы”. И как только это случилось – Церковь приняла эту практику”

Это весьма и весьма неправдоподобное объяснение, поскольку, хотя словосочетание “богословие иконы” может звучать солидно, на самом деле под этим лежит весьма примитивная, и легко улавливаемая идея. Об этом пишет и языческий философ Порфирий, говоря, что, разумеется, когда человек делает портрет друга, он не думает, что сам друг находится в этой картине, или что конечности тела друга заключены в картине, а просто делает портрет в честь своего друга (эдакий способ выражения уважения).

Естественно, весьма неправдоподобно полагать, что кто-либо нуждался в разработке “богословия иконы”, если речь идёт о весьма примитивной идее. Более того, христианам не надо было бы ничего разрабатывать, поскольку они и так сталкивались в дискуссиях с язычниками с такими объяснениями.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько отрывков как из литературы язычников, так и из раннехристианской апологетической литературы, которые показывают, что язычники критиковали христиан именно с позиций “богословия иконы”.

Языческий философ Плотин пишет в Эннеадах:

«Поэтому я думаю, что те древние мудрецы, которые стремились обеспечить присутствие божественных существ посредством возведения святилищ и статуй, продемонстрировали проницательность в отношении природы Всего; они поняли, что, хотя эта Душа везде доступна, ее присутствие будет обеспечено тем более легко, когда будет разработано соответствующее вместилище, место, особенно способное принять некоторую ее часть или фазу, нечто, воспроизводящее ее или представляющее ее и служащее как бы зеркалом для уловления ее образа»

Языческий философ Порфирий, критикуя христиан, пишет:

«Те, кто воздает должное богам, не верят, что бог находится в дереве, камне или бронзе, из которых построен образ. ... Ибо статуи и храмы были построены древними как напоминания, чтобы те, кто ходил туда, могли отдохнуть и стать чище в будущем и могли прийти к мысли о боге; или чтобы они могли подойти к нему и вознести молитвы и мольбы, каждый из которых просил его о том, в чём он нуждается. Ибо даже если кто-то делает портрет друга, он не верит, что сам друг находится в этом изображении или что части его тела заключены в различных частях этого изображения, но что уважение к другу проявляется через портрет»

- *Against the Christians. As cited by Paul J. Alexander, The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire, p. 27*

Язычник и идеологический защитник политеизма Юлиан Отступник, пишет в *Contra Christianos* (опять попытка опровергать христиан):

«Наши отцы установили статуи и алтари, и поддержание неугасимого огня, и вообще все подобное как символы присутствия богов, не для того, чтобы мы считали такие вещи богами, но чтобы мы могли поклоняться богам через них... когда мы смотрим на изображения богов, не будем думать, что они камни или дерево, но и не будем думать, что они сами боги; и действительно, мы не говорим, что статуи императоров - это просто дерево, камень и бронза, или что они сами императоры, но что они - изображения императоров.

Поэтому тот, кто любит императора, радуется, видя статую императора, и тот, кто любит своего сына, радуется, видя статую своего отца. Из этого следует, что тот, кто любит богов, наслаждается созерцанием изображений богов и их подобий, и он чувствует благоговение и трепещет от страха перед богами, которые смотрят на него из невидимого мира»

О том, что язычники воспринимали свои идолы подобным образом, мы знаем и благодаря христианской полемической литературе

Апологет **Афинагор Афинский** (II век) пишет:

«Но некоторые говорят, что это только изображение, а боги – те, в честь которых сделаны эти изображения, что моления и жертвы, которые обращаются к изображениям, относятся к богам и совершаются для них.»

- *Прошение о христианах, 18*

В раннехристианском тексте (датируется примерно 220 годом) под названием *“Речь Мелитона философа, которую держал он перед императором Антонином”* читаем:

“Из заблуждения происходят всякие бедствия. Главнейшее же заблуждение то, когда человек не знает Бога, и вместо Бога, почитает нечто такое, что не есть Бог. Но есть люди, которые говорят: «в честь Бога мы делаем идола», и почитают именно образ Бога сокровенного, – они не знают, что Бог на всяком месте, что Он никогда не находится в отсутствии, и ничего не делается, чего бы Он не ведал. А ты, жалкий человек, которому Бог присутствует в тебе, вне тебя и над тобою, идешь и покупаешь себе из дома художника дерево, которое обрезано и обработано в поругание Бога; приносишь жертву этому истукану, и не знаешь, что тебя видит око Всевидящее, и что тебя осуждает Слово истины, и говорит тебе: как невидимый Бог может быть вырезан? а ты делаешь собственное свое подобие, и поклоняешься ему”.

Об этом же мы читаем у **Оригена Адамантия** (III век):

«Мы, с другой стороны, считаем «необразованными» тех, кто не стыдится обращаться с мольбами к неодушевленным предметам, и призывать о здоровье тех, у кого нет сил, и просить мертвых о жизни, и умолять беспомощных о помощи. И хотя некоторые могут сказать, что эти объекты – не боги, а всего лишь имитации и образы реальных божеств...»

- *Ориген, Против Цельса, книга 6, глава 14*

Как видим, Ориген предвосхищает ответ язычника, что материальные объекты не сами предметы поклонения, а лишь образы первообраза.

Также у христианского апологета из Северной Африки **Лактанция** (III — IV век)

читаем:

«Что же это за безумие - создавать те объекты, которых они сами впоследствии могут бояться, или бояться вещей, которые они создали? Но, говорят они, мы боимся не самих образов, а тех существ, по чьему подобию они были созданы и чьим именам они посвящены.»

- Божественные установления, книга вторая

Посмотрим, что сказал другой христианский апологет, **Арнобий Старший** (III — IV век). В шестой книге, «Против язычников», он пишет:

«Вы говорите, что мы поклоняемся богам с помощью изображений. Что же тогда? Без этого боги не узнают, что им поклоняются, и не подумают ли они, что вы оказываете им какие-либо почести?»

Нетрудно заметить, что православие в своём слиянии с “общерелигиозностью” пошло настолько далеко, что не только переняло вдохновлённые язычеством практики, но и, фактически, даже способы защиты этих практик переняты от идеологов политеизма, которых ранние христиане, без сомнения, считали идолопоклонниками.

Как я отметил ранее, “богословие иконы” — это весьма несложная идея, которая была, так или иначе, известна ранним христианам. Святители Афанасий Великий и Василий Великий даже использовали аналогию с почитанием образа императора со стороны граждан империи (как воздание чести самому императору), в контексте полемики с арианами (очевидно, данные святители считали пример с образом императора несложным и не нуждающимся в дальнейшем обосновании). Таким образом, это “богословие иконы”, будучи весьма простой идеей, не может служить объяснением, когда мы говорим про враждебность ранних христиан к почитанию образов.

Несмотря на то, что всем было понятно: бывают случаи, когда через почитание чего-либо, почитается кто-либо – именно язычники интегрировали эту идею в религиозную практику почитания изображений (*христиане же, несмотря на то, что понимали саму эту идею, не считали, что это оправдывает сотворение образов и поклонение им*).

Это крайне важная мысль! И сторона христианская, и сторона языческая понимали эту идею “транзитивности”, при этом, сторона языческая, в отличие от христианской, считала, что это оправдывает практику создания изображений и статуй, ради поклонения.

Поэтому, приходится констатировать, что мы имеем дело с идеей, которая отсутствует не только в Библии, но и в раннехристианском богословии (я имею в виду практику плодить рукотворные образы, с мотивом подобным образом чтить Бога или кого-либо ещё). Пресловутое “богословие иконы” как основание “материализации” христианского благочестия является языческим конструктом, который постоянно критиковали христианские богословы (и, по иронии, на соборе Ирины заняли позицию против Ранней Церкви, заимствовав эту идею/метод апологетики язычников).

Этот момент блестяще комментирует Лактанций. Он пишет:

“Я спрашиваю, если кто-то часто смотрит на портрет человека, находящегося вне дома, чтобы через это получить утешение в разлуке, то неужели его следует считать здоровым, если он будет продолжать смотреть на портрет, когда тот человек вернется и будет рядом, и предпочтет наслаждаться портретом, а не видом самого человека? Конечно, нет. И все же портрет человека представляется необходимым, когда этот человек находится далеко, и излишним, когда он рядом. Образ же Бога, воля Которого и дух разлиты повсюду и никогда не могут быть далеко, всегда излишен”

- Божественные установления, Книга вторая

Таким образом, Лактанций здесь подходит весьма гибко. Согласно его доводу, хотя и в некоторых случаях использование образа может быть уместным, но это не распространяется на религию (ввиду того, что в случае Бога все физические ограничения отменяются. Нет пространственной дистанции и Бог всегда Жив).

Резюме: Так называемое «богословие иконы», используемое в религиозной практике, не имеет библейского или раннехристианского обоснования. Как отмечено Лактанцием, даже при принятии этой логики в плоскости нашего тленного мира, т. е. в человеческих отношениях (ввиду того, что наличие образов оправдывается только пространственной или онтологической дистанцией), надо признать, что вездесущий Бог не нуждается в посредниках-образах, как и истинно верующие не нуждаются в них, в своей практике богочитания.

Итак, было показано, что два главных православных соображения в пользу иконопочитания несостоятельны. Теперь, перейдём к положительному изложению того, что я считаю библейской и раннехристианской позицией.

Суть моей позиции

Нередко, в богословских столкновениях православных с протестантами, православные приводят те самые возражения, которые привели византийские иконопочитатели против византийских иконоборцев. Проблема в том, что протестанты – это не византийские иконоборцы (по крайней мере большинство протестантов) в своём отношении к христианскому искусству.

Нет смысла твердить, что апостолов или даже Христа можно изображать, когда сами протестанты не возражают против этого. Складывается ощущение, что православные апологеты “застряли в прошлом”, не замечают, что дискуссия развивается, и что “новые” вызовы требуют новых подходов.

Просто повторяя тезисы византийских иконопочитателей, православный апологет, в глазах протестанта, всего лишь приводит нерелевантные возражения, ввиду того, что в протестантской теологии проблемным считается не сам факт наличия христианского искусства, а именно религиозное почитание этого искусства (или, другими словами, построение культа вокруг предметов искусства).

Отстаиваемая мною позиция (и в целом протестантского мейнстрима) заключается в том, что изобразительное искусство, хотя и может использоваться христианами, однако же функции этих образов должны быть сведены к нелитургическим. Изображения могут быть в церковных зданиях в качестве, к примеру, дидактики или декорации.

Я утверждаю, что моя позиция полностью соответствует и библейскому богословию, и Вере раннехристианской Церкви.

И наоборот, литургическое использование изображений или статуй, совершение культовых действий (сакральные поцелуи, коленопреклонения, каждение фимиама, ритуальные возжжения свечей) как с точки зрения Библии, так и с точки зрения раннехристианской патристики являются неприемлемыми и представляют собой форму идолопоклонства.

Часто приводимые православными и католиками археологические свидетельства, как ни странно, не только не подтверждают позицию византийских иконопочитателей, но и служат подтверждением мейнстримной протестантской позиции.

Практически всегда предметы искусства, датируемые относительно ранним периодом, представляют собой весьма простые/невинные выражения христианского исповедания (такие как образ голубя, агнца, Христос в образе Доброго Пастыря и т. д.).

В этих катакомбных росписях обнаруживаются также библейские сцены, “притчи в красках”. Разумеется, эти символические и сюжетные (в противовес “портретным”) изображения вряд ли были созданы, чтобы стать предметами культа, а скорее имели декоративную и дидактическую функции (как пишет православный учёный прот. Георгий Флоровский). Что было сказано про искусство в римских катакомбах, можно также распространить на часто упоминаемую находку “Дура-Европос”.

Таким образом, изучая ранний пласт истории Церкви, где уже есть выраженное отношение к искусству, мы видим именно то отношение, которое в наши времена свойственно протестантизму и “анафематствуется” православной и католической церквями!

Что касается отстаиваемой позиции, хотелось бы акцентировать три вещи:

- i. Я различаю разные формы почитания.

Есть почитание в широком, социально-культурном смысле: оно может быть направлено к творениям и выражаться в том числе через физический жест (почтение к главе государства, к старшим, к странникам — в зависимости от культуры).

И есть почитание как религиозный акт: выражение посвященности, поклонение, обращённое к существу в знак духовной преданности, признания его господства/величия/авторитета над собой.

Это различие имеет критическое значение при толковании соответствующих библейских текстов.

- ii. Я использую термин “аникони́зм”, имея в виду спектр разных отношений к изображениям, в котором общим для всех взглядов является отрицание литургической функции изображений (в этом спектре на одном краю византийские иконоборцы, не терпящие само искусство, на другом – люди, которые весьма лояльны к христианскому искусству, при этом отвергают культовые действия по отношению к ним).

- iii. На возможный вопрос со стороны православных *“а было ли это просто позицией некоторых отцов, или она имела широкую рецепцию?”* я отвечаю:

Да, такая позиция была свойственна большинству авторов золотой эпохи патристики, а позднее была закреплена по крайней мере на трёх соборах: на Франкфуртском соборе (794 г.), на Конст. соборе в святой Софии (815 г.) и на Парижском соборе (825 г.).

В соответствии с уже отмеченным, отстаиваемую позицию даже не совсем

корректно назвать позицией “протестантской”, так как даже до соборов восьмого века (как Иерийского, так и второго Никейского) эта позиция существовала и была выражена учителями “золотой эпохи патристики”. Такой подход к искусству можно разглядеть, например, у Василия Великого, у Иоанна Златоуста, у Павлина Ноланского и других. В богословской литературе наиболее часто, в связи с таким подходом, упоминается западный святой и епископ Римской Церкви, Григорий Великий.

Таким образом, то, что я выше назвал “моей позицией”, по сути является возвратом к позиции Древней Церкви.

Нельзя не замечать, изучая первые века христианства, одновременно и ярко-негативное отношение к религиозному почитанию предметов искусства, и лояльность к самому существованию искусства, когда оно имеет невинную форму, т. е. когда не имеет догматических предпосылок и не выражается в культовых действиях.

Такой подход к изображениям (или, если уместно, такое богословие), как можно было понять из сказанного ранее, имеет преимущество, так как мы сначала обнаруживаем это в Церкви до Никейского собора (вышеупомянутые археологические находки), затем находим это у учителей золотой эпохи, а позднее, в VIII–IX веках, в пользу такой позиции голосует огромное количество епископов, как на востоке, так и на западе (выше я упомянул три собора).

Вот как примерно описывают православные историки (В. Болотов, М. Поснов, А. Карташёв, А. Дворкин), подход франкских богословов (которые осудили второй Никейский собор за иконопочитание) в отношении изображений:

Оба собора (754 г. и 787 г.) не правы, так как иконы не идолы (как полагали радикальные иконоборцы), но и поклоняться иконам не должно (как ошибочно полагали сторонники почитания икон); одному только Богу должно служить, одному только Ему воздавать поклонение, одного Его славить; иконы, за отвержением всякого им служения и поклонения (во всех формах, например, воскурением фимиама и возжиганием свеч), дозволяется употреблять для памяти о прошедшем, для назидания и украшения.

Такой подход к искусству, скажем так, срединный, царский путь, убедительно излагает протестантский богослов XVI века, Мартин Хемниц (возражая католической позиции, выраженной на Тридентском соборе):

...Эти положения о поклонении изображениям ясны из закона Божьего. Однако есть те, кто утверждает, что этот закон запрещает не только поклонение и обожание, но и сами образы. Они выделяют две отдельные части этого закона: первая запрещает только изготовление идолов, а вторая – их почитание и обожание после того, как они изготовлены. Но в Левит 26:1 текст закона изложен таким образом, что показывает, что запрещено делать или устанавливать изображения для поклонения или обожания. И само Писание показывает, что изготовление и использование образов, если они не установлены для поклонения и обожания, не запрещено. Ибо запрещено устанавливать статуи для поклонения (Лев. 26:1). Но Иаков (Быт. 28:18-22) поставил камень в знак памяти или напоминание о случившемся и возлил на него елей. [...] В Чис. 21:8 Господь повелевает Моисею сделать медного змея и поставить его в качестве знамения. Однако несомненно, что этот змей был прообразом Христа (Ин. 3:14-15).

И в память об этой истории, произошедшей в пустыне, этот медный змей хранился среди сынов Израилевых более 700 лет; и до тех пор, пока не возникло злоупотребление поклонением и обожанием, они не считали, что грешат против Закона (Исх. 20:4), сохраняя это изображение. Однако затем они начали воскурять фимиам этому изображению, и Езекия решил, что это противоречит закону Божьему, и поэтому разбил змея на куски (2 Цар. 18:4).

[...] создание, хранение и использование изображений в качестве украшения, памятника, напоминания и представления истории не противоречит закону Божьему, если к этому не приводит поклонение и обожание этих изображений. [...] Сам Бог повелел делать изображения херувимов в Святом святых над ковчегом завета, куда обращали лица свои те, кто поклонялся (Исх. 25:18-22).

Поэтому я не вижу, на каком основании в Слове Божьем можно или следует осуждать использование изображений в церквях, если они не устанавливаются и не используются для поклонения и почитания, а либо для украшения, либо для напоминания, либо для представления правдивых и полезных исторических событий. Конечно, это нельзя вывести из закона в Исх. 20:4-5.

Утверждается опасность суеверия и идолопоклонства, но от этого можно защититься и предотвратить путем привития истинного учения и предостережения от поклонения изображениям. Или, если учение отвергнуто, и поклонение изображениям перешло в культ, тогда будет правильно подражать примеру Езекии. [...]

Я отношу изображения к адиафорам, если они не установлены или не используются для богослужения и поклонения. Не следует также возводить в грех вещи, являющиеся адиафорами, если к ним не добавляются ложные мнения или злоупотребления без Слова Божьего, подобно тому как некоторые люди кричат, что нельзя терпеть никакие изображения, даже посредственные, и придают значительную долю благочестия их отсутствию или уничтожению.

Предварительные замечания о дискурсе в свете Библии

Перед тем как привести сами доводы, хотел бы отметить, что православные обычно, в попытках обосновать свою позицию ссылками на Библию, допускают много ошибок (как богословских, так и герменевтических).

Ключевые ошибки православных в обращении к Библии (при обсуждении темы почитания) следующие:

- **Подмена понятий.** Подмена "создания образа" на "поклонение образу" (или, можно сказать, подмена "иконографии" на "иконодулию")
- **Подмена тезиса.** Попытки доказать пользу или приемлемость изображения в каком-либо смысле, вместо того, чтобы доказать, что изображения должны существовать **для культовых действий по отношению к ним.**

(Часто, например, бывают ссылки на образы херувимов, которые были сделаны Божьим повелением. Как ранее уже сказал, я не отрицаю декоративную, символическую или дидактическую функцию изображений, но православный должен доказать именно то, что постановлено на втором Никейском соборе. Вместо этого же часто случается подмена, и православный начинает обосновывать позицию Франкфуртского собора, который просто выступил за приемлемость изображений, ввиду того, что они могут быть полезны как катехизические "инструменты" и как декорация.

- **Ошибка эквивокации.** Попытка доказать легитимность религиозного почитания тварных объектов, ссылаясь на места Писания, в которых описывается почитание, как социально-культурное явление (уважение к старшим, вождю народа, странникам и т. п.). То есть ссылка на то же самое слово, но с иным значением.
- **Особый упор на Ветхий Завет.** Для христиан Ветхий Завет, разумеется, важен, но думаю, мало кто будет отрицать, что совершенство пришло с Воплощением Слова Божьего и что больше акцента христиане должны делать на проповедь Христа и апостолов, которая отражена в Новозаветных текстах и через призму, которой мы и смотрим на предшествующий Завет.

Частые обращения православных именно к Ветхому Завету, при обсуждении данного вопроса, являются ошибкой по крайней мере по двум причинам.

1) Ветхий Завет как педагогическая мера

Дело в том, что Ветхий Завет был задуман как детоводитель к Новому (Галатам 3:24). Как заметили и отцы церкви, в Ветхом Завете Господь делает некие поблажки, если можно так выразиться, ввиду жестокосердия еврейского народа. А местами налагает "тяжёлые бремена" в педагогических целях (всё это было ради того, чтобы держать жестокосердный народ "в узде"). Как разъясняет, в частности, раннехристианский мученик Иустин, всё это храмовое служение, ритуальные правила и пр. были даны из-за "слабости" еврейского народа. Из-за стремления к идолопоклонству. Он пишет:

"Поймите это вы, забывающие Бога, чтобы когда-нибудь Он не похитил вас, и некому будет избавить. Жертва хвалы прославит Меня, и там путь, где Я покажу ему спасение Мое». И так Бог и жертв от вас не принимает, и первоначально установил приносить их не по нужде в них, но за ваши грехи. Даже и храм, называемый Иерусалимским, Бог признал Своим домом или дворцом, не потому, чтобы имел в нем нужду, а для того, чтобы вы, по крайней мере там почитая Его, не идолопоклонствовали. Это подтверждается словами Исаии: «какой дом вы построили Мне? – говорит Господь. – Небо Мне престол, а земля подножие ног Моих"

- Разговор с Трифоном Иудеем, Глава 22

Таким образом, **даже существование храма** в народе Божьем — это несовершенство. И всё это были временные меры, уступкой, пока не придёт Совершенное Откровение и все не станут поклонниками Бога в Духе и Истине!

2) Новозаветный сдвиг к поклонению в Духе

Продолжая логику предыдущего пункта, представляется важным отметить, что совершенно не по-христиански пытаться вывести заикленность на почитании материальных святынь из Ветхозаветных реалий (храм, ковчег завета и пр.). То, что мы имеем в ВЗ, было тенью Нового и Совершенного Завета (например, Храм указывал на Христа и символизировал тела верующих).

К сожалению, приходится констатировать, что Новозаветное отношение к богопочитанию обычно совершенно игнорируется православными

Мы должны понимать, что ни один патриарх или пророк не сравнится со Христом. Со Христом пришло Совершенство, Совершенное Откровение.

Для христиан парадигматично то, что Завет, заключённый через смерть и воскресение Господа, куда совершеннее Завета старого, а потому и Бог сменил старое Новым. И эта идея, что с пришествием Христа настала эпоха более духовного, возвышенного богопочитания — чётко декларируется в выражении Христа, в ответ на вопрос самарянки.

Это выражение ознаменует радикальный сдвиг, переход от более грубой, "приземленной" формы богопочитания (а мы знаем, что Бог рассматривал порядки ВЗ несовершенными), к тому богопочтению, которое совершается умом и душою прежде всего.

Самаритянка спросила: наша гора или Иерусалим?

Казалось бы, из Писания мы знаем, что Иерусалим — священное место, там почитали Бога Израилева, но что говорит Господь?

Почему бы Иисусу не ответить, что "по Писанию" святыней является Иерусалим?

Вместо этого Он говорит другое! Он говорит, что это уже прошлое, настало новое время, когда Богу поклоняться не через материальные святыни (или в связи с материальными предметами), а в Духе и Истине, ибо Бог таких поклонников Себе и ищет:

"Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу.

Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение — от Иудеев. Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине".

- От Иоанна, 4 глава

Обратите внимание, что Иисус противопоставляет поклонение в Иерусалиме (или в каком-либо другом религиозном месте) поклонению духовному (которое наступает и, разумеется, рассматривается как более совершенный порядок).

Этой фразой Иисус упраздняет значимость всей той ритуальной/обрядовой пышности в религии, заикленность на сакральном пространстве/материи, на жреческо-храмовой системе, которая тогда существовала, и провозглашает совершенство поклонения, прежде всего, умом и душою

каждого индивидуума!

И ранние христиане прекрасно это понимали, категорически отказываясь иметь храмы (ибо даже храм Соломона — несовершенство), иконы для почитания, и прочие материальные святыни (что, кстати, привело к обвинению христиан в атеизме. Для язычников, если ты веришь в Божество, то можешь “показать своего Бога” и раз христианство было аниконическим, то в представлении язычников оно было атеистичным).

Посмотрите, с каким удивлением отвечает христианский апологет языческому критику, который как бы “требует” от христиан, этой приземленной религии акцентированной на материю:

*“Думаете ли вы, что мы скрываем предмет нашего богочтения, если не имеем ни храмов, ни жертвенников? **Какое изображение Бога я сделаю, когда сам человек правильно рассматриваемый, есть образ Божий?** Какой храм Ему построю, когда весь этот мир, созданный Его могуществом, не может вместить Его? И если я человек люблю жить просторно, то как заключу в одном небольшом здании столь великое Существо? Не лучше ли содержать его в нашем уме, святить Его в глубине нашего сердца?*

Стану ли я приносить Господу жертвы и дары, которые Он произвел для моей же пользы, чтобы подвергать Ему Его собственный дар? Это было бы неблагодарно, напротив угодная Ему жертва доброе сердце, чистый ум и незапятнанная совесть. Посему, кто чтит невинность, тот молится Господу; кто уважает правду, тот приносит жертву Богу; кто удерживается от обмана, тот умиляет Бога; кто избавляет ближнего от опасности, тот закаляет самую лучшую жертву. Таковы наши жертвы, таковы святилища Богу”

- Октавий, XXXII глава

Кроме всего этого, стоит отметить (и это часто игнорируется православными), что материальные святыни из ВЗ (из тех, которые были чтимы), совершенно несопоставимы с православными реликвиями, ввиду того, что эти святыни были тесным образом связаны с Богом. Например, Храм был построен напрямую повелением Божьим и там была "Шхина" Господа. Особой святыней также был Ковчег Завета (православные же иконы или пышные церковные здания, сделаны по произволу человеческому).

Итак, после того как привёл предварительные замечания, перейду к Библейской аргументации против практики почитания икон.

Библейские доводы

1) Вторая заповедь из Декалога

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им

В данном отрывке запрещается сотворение **любых** изображений с конкретной целью (!) – религиозно поклоняться/почитать.

Согласно православным, не было бы ничего плохого в том, чтобы сделали образы ангелов для поклонения перед ними, или же образы праведников (например Ноя, или Еноха или кого-то другого). Также православные хотели бы нас заверить, что речь касается исключительно образов “ложных богов” (т. е. разрешено создание образов истинного Бога) или что запрет исключительно на вульгарное идолопоклонство (как будто, если человек понимает, что перед ним не сам бог, а лишь образ – то уже может поклониться).

Проблема в том, что любая попытка обойти этот запрет рушит конструкцию/смысл запрета. Сам запрет такие исключения не учитывает. То есть, невозможно одновременно серьёзно относиться к библейскому тексту и вводить эти “исключения”. Ниже разбор некоторых примеров.

Это не касается образов праведников? (Ноя, Еноха, Авраама, пророков.)

Нет, сама формулировка эту мысль исключает. Проблема в том, что и ангел, и Ной, и Енох подпадают под категорию “*что на небе вверху и что на земле внизу*”. Заповедь даётся в максимально универсальной формулировке и подчеркивается, что никакое изображение неприемлемо (даже изображение Бога!) если они делаются для религиозного почитания (это передается словами: *поклоняться и служить*).

В отрывке не указано, что допустимо кланяться изображению, если оно не представляет божество и вы не считаете его божеством. Скорее, в нем недвусмысленно говорится, что нельзя создавать изображение «**чего-либо**» на небе или на земле с целью «**кланяться**» ему. В самом деле, суть отрывка в том, что только Богу полагается подобная честь.

Это не касается случаев, когда кланяющийся понимает идею “перехода” почитания?

Идея в том, что запрещается только вульгарное идолопоклонство. Если вдруг человек понимает, что перед ним не сам бог, а просто образ первообраза (т. е. понимает идею “транзитивности”) – то запрета нет.

Проблема в том, что конструкция («не поклоняйся им и не служи им») привязывает запрет **не к объекту**, которому посвящено изображение, а к самому

акту поклонения перед ним. То есть запрет затрагивает не когнитивную составляющую человека (его вера/убеждения), а конкретные физические действия перед изображением или статуей.

Иными словами, если бы в следующий день, после получения этой заповеди, застали бы еврея за статуэткой (еврея — который даёт отчет себе в том, что сама статуэтка не есть бог, но через образ он чтит “вышестоящих сил”) – он всё равно был бы побит камнями, ввиду того, что заповедь запрещает сами действия перед культовыми объектами (невзирая на “продвинутость” идолопоклонника в его отношении к статуям).

Вспомним также пример Седраха, Мисаха и Авденаго, которые прекрасно понимали, что статуя Навуходоносора не есть сам бог (а также понимали, что сам Навуходоносор не есть Бог), но при этом для них был мерзок акт поклонения перед его образом.

Это не касается образа самого Бога?

Возражение в том, что запрет касается только икон “ложных богов”. Такое чтение оказывается несостоятельным по следующим причинам:

- И в еврейском (песель), и в греческой Септуагинте (эйдолон) это слово просто означает «изображение». Это может быть изображение “ложного бога”, но ни само слово, ни контекст 20-й главы Исхода не ограничивают его этим применением. Опять же, формулировка универсальна настолько, насколько это вообще возможно.
- Что такое “ложный бог”? Если это просто воображаемое существо, которого нет в реальности (допустим Ваал), то такое толкование означало бы, что религиозное поклонение реальному существу приемлемо (а это абсурд. Даже если кто-то в IV веке до н.э., принимая Александра Македонского за бога, поклонялся бы его статуе – все равно был бы повинен в идолопоклонстве). Также, Навуходоносор был реально существующим, но несмотря на то, что он не воображаемое существо – религиозное почитание статуи было греховным.

Поэтому скорее нужно согласиться со следующим: *любое существо, к которому направлено религиозное почитание (разумеется, кроме Бога Израилева) – и есть тот самый ложный бог*. А это означает, что в православии и католицизме есть грех идолопоклонства, ввиду воздания религиозного почитания творениям.

- Также попытки православных заявлять, что образы истинного Бога здесь не затрагиваются (а запрещены только “иные боги”), не выдерживают критики не только потому, что такая мысль противоречит смыслу текста, но и потому, что не учитывают святоотеческое понимание из Древней Церкви.

В частности, вот толкование Августина Иппонийского:

*“... в первой заповеди мы разумеем Отца, где нам запрещается **поклоняться подобию Бога**, сделанному руками человеческими, — не потому, что у Бога нет образа, но потому, что **никакой образ** Его не должен почитаться, кроме того Образа, который есть **то же, что Он Сам**, и этот Образ [т. е. Христос] должен почитаться не вместо Него, а вместе с Ним”*

- Письмо 55.11.20 (CSEL 34:190)

Очевидно, Августин отвергает почитание всякого рукотворного образа (даже если это образ Бога). Это показывает, что в заповеди запрет не просто про иконы “иных богов”, но даже про иконы истинного Бога.

Библейские прецеденты

Писание последовательно осуждает всякое изображение, ставшее объектом религиозного служения:

- Золотой телец (Исх 32). Формально Аарон провозгласил: «праздник Господу» — то есть изображение предназначалось Яхве. Тем не менее Бог посчитал это отступничеством.
- Изображения в Дане и Вефиле (3 Цар 12:28–30). Иеровоам не вводил чужих богов — он ставил тельцов как «пьедесталы» для невидимого Яхве. Писание квалифицирует это как грех Иеровоама.
- Медный змей (Числ 21:8–9; 4 Цар 18:4). Змей был создан по прямому повелению Бога. Однако в 4 Цар 18:4 сказано: «Израильтяне до тех дней стали кадить ему», и Езекия его и уничтожил. Писание прямо одобряет этот поступок (4 Цар 18:3–6).

Вывод из прецедента медного змея:

1. Даже предмет, учреждённый Самим Богом, не приобретает неприкосновенного сакрального статуса, если вокруг него возникает культ, и это несмотря на особое богословие православных про “пронизывающие материю энергии”.
2. Писание не предлагает компромисса: «храните змея вдали от народа как святыню, но не кадите ему». Змей уничтожен.

Заключение: вторая заповедь дана в максимально универсальной формулировке и запрещает изготовление любых изображений с целью религиозного почитания и служения. Это подтверждается лексикой и грамматикой древнееврейского текста, библейскими прецедентами (золотой телец, тельцы Иеровоама, медный змей) и святоотеческим толкованием Древней Церкви.

2) Второзаконие 4:15-19

В межконфессиональных дискуссиях на тему икон, почти всегда в основном затрагивается вторая заповедь из Декалога. Я считаю, что отрывок из четвёртой главы Второзакония вносит гораздо больший вклад в эту дискуссию, по той причине, что здесь речь явно идёт про потенциальные образы Самого Бога.

Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами, изображения какого-либо гада, ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли; и дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем народам под всем небом.

Если из заповеди Декалога было не столь ясно, что Бог запрещает даже такие образы, думаю в данном случае вопросы возникать не должны.

Второзаконие 4:15–19 не оставляет сомнений: Бог запрещает любые образы, даже если они созданы для почитания Его Самого. Он не даёт евреям никакого видимого подобия Себя — и это сделано намеренно, чтобы исключить культ образов:

Учитывая то, что Бог намеренно/целенаправленно ничего не показал/не проявился физически, чтобы вдруг не был введен культ образов (а это было бы введено с целью почитать именно подлинного Бога), — мы приходим к выводу, что это в принципе противоречит воле Бога, что это является отвратительным явлением для него.

Хотелось бы в этом разделе глубже раскрыть логическую сторону вопроса. По сути, классический ответ православных заключается в следующем:

1. В ВЗ не был дан образ **(не А)**, а значит нельзя в том контексте делать икону для почитания **(не В)**
2. В НЗ образ был явлен **(А)** (Воплощение)
3. Следовательно, можно делать икону и почитать **(В)**

Но проблема в том, что это хрестоматийный пример невалидного аргумента

“отрицание антецедента” (*modus tollens* в неправильной форме).

Условное суждение $\neg A \rightarrow \neg B$ гарантирует связь только в одном направлении:
отсутствие/ложность **A** влечёт отсутствие/ложность **B**.

Но оно ничего не говорит о том, что происходит, когда **A** имеет место быть/истинно.
B может быть как истинным, так и ложным при истинном **A**

Пример из жизни:

Пусть: **A** = в машине есть двигатель (соответственно, $\neg A$ = в машине НЕТ двигателя)

B = Машина может ехать (соответственно, $\neg B$ = Машина НЕ может ехать)

1. $\neg A \rightarrow \neg B$ (Если в машине нет двигателя, она не может ехать — ИСТИНА)

2. **A** (в машине есть двигатель — ИСТИНА)

 $\therefore B$ (Следовательно, она может ехать — ЛОЖНЫЙ ВЫВОД)

Ошибка очевидна: наличие двигателя (**A**) не гарантирует, что машина поедет (**B**). В ней может не быть бензина, колес или водителя. Наличие двигателя — условие необходимое, но не достаточное.

Или вот другой пример:

1. Если идёт дождь, то земля мокрая

2. Нет дождя

3. Следовательно, земля не мокрая (опять же, очевидно, что вывод не следует, так как при условии отсутствия дождя, земля может быть как мокрой, так и не мокрой)

Формализованный вид ошибки:

1. $P \rightarrow Q$ (Если **P**, то **Q**)

2. $\neg P$ (Не **P**)

3. $\Rightarrow \neg Q$ (не **Q**)

Именно из-за этой формальной логической ошибки в силлогизме – данный аргумент невалидный:

1. Не был дан образ (не **A**), а значит нельзя делать икону для почитания (не **B**)

2. Образ был явлен (**A**) (Воплощение)

3. Следовательно можно делать икону и почитать (**B**)

Формализованный вид ошибки:

1. $\neg A \rightarrow \neg B$

2. **A**

 $\therefore B$

Чтобы это стало совсем понятно (хотя и это весьма упрощённый пример), представьте такую ситуацию:

Ваш пятилетний сын подходит к вам и говорит, что хочет курить, как тот дядя, который был у вас в гостях.

Вы отвечаете ему:

— Ты когда-нибудь видел, чтобы я курил?

Ребёнок: — Нет, не видел.

Вы: — Вот, чтоб и я тебя курящим не видел.

Проходит год-полтора. Однажды ребёнок случайно застаёт вас с сигаретой. Он радостно делает вывод: «Ага! Мне сказали: раз я не видел курящим, то и мне нельзя. Теперь я увидел — значит, теперь можно!»

Скажите ли вы, что ребёнок правильно понял ваш запрет и сделал верное умозаключение? Конечно, нет. Ваш запрет, в конечном итоге, основывается не на том, видел он или не видел, а на том, что курение вредно и неуместно вам (даже если само это конечное/предельное основание для запрета не было обговорено, а вместо этого был дан более “приземлённый” ответ ребёнку, более доступный его восприятию). Появление вашего примера не отменяет запрета — он остаётся в силе.

Точно так же и с иконами. Бог в Ветхом Завете намеренно не дал видимого образа, чтобы исключить сам культ изображений. Это был не просто «временный запрет до Воплощения», а волевое решение: Ему неуместно, чтобы Его почитали через рукотворные подобию (это и является конечной причиной того, что они не видели образа). Поэтому факт Воплощения не отменяет этого запрета — точно так же, как ваше курение не отменяет запрета для сына.

(Кто-то может сказать, что родитель проявил слабость, но, конечно, ребёнок сделал неверный вывод, думая, что “раз видел-теперь можно!”

И по этой аналогии я отвечу, что и Бог проявил “слабость” и из-за жертвенной любви к человеческим творениям, воплотился и пришёл “к нам”. И точно также, не надо думать: “раз видел – теперь можно!” Не надо считать, что мы можем хватать Бога “за бороду”)

Также напомним, что “аргумент Дамаскина” (или классический ответ “образа не было, а теперь стало и следовательно, можно рисовать и почитать”) является некорректным ещё и потому, что всё же Бог явился в понятных и потенциально изображаемых формах в Ветхом Завете (и всё же рисование и поклонение было в запрете).

3) Реакция на золотого тельца (Исход, глава 32)

“Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который бы шёл перед нами, ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось. И сказал им Аарон: выньте золотые серьги, которые в ушах ваших жён, ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите ко мне. И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих, и принесли к Аарону. Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской! Увидев сие, Аарон поставил пред ним жертвенник, и провозгласил Аарон, говоря: завтра праздник Господу”

В данном тексте, когда народ просит делать им “бога”, очевидно, речь не идёт о том, что тот материальный объект, который получится в итоге, будет считаться ими самим богом. Скорее это “бог-репрезентация” того, Кто вывел их из рабства. Они хотели почитать того Самого Истинного Бога, только в понятном им виде/форме. То есть, через образ воздать честь первообразу. Но мы видим, что Бог считает это мерзостью и отклоняет такое “благочестие” евреев.

Такое толкование про интенции евреев является не моей произвольной идеей, а широко принято среди библеистов. Православные исследователи в том числе, соглашаются с таким восприятием текста.

Православный епископ и экзегет Виссарион (Нечаев) объясняет отрывок следующим образом:

После торжественного заключения завета с Богом у горы Синая, во время сорокадневного пребывания Моисея на Синае, Израильтяне запятнали себя грехом нарушения завета: они слили тельца, чтобы в образе его поклоняться Господу, и стали совершать пред тельцем языческое празднество

- Паримии на праздник Преображения. Исход XXXIII:11–23, XXXIV:4–6, 8

Православный библеист, экзегет А. Лопухин пишет:

*“когда [Моисей] удалился на священную гору и оставался там более месяца, то, при отсутствии вождя, народ оказался в беспомощном и отчаянном положении. При этом случае естественно сильнее всего сказалась потребность в каком-нибудь **видимом символе божества**, и народ стал требовать, чтобы Аарон сделал для него бога наподобие тех, что им известны были в Египте. Народ не имел в виду*

идолопоклонства в собственном смысле и хотел боготворить Иегову, но только под какой-нибудь более доступной народному сознанию и знакомой ему формой”

- “Золотой Телец”, Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. Том V

Той же линии держится православный священнослужитель и библеист Димитрий Юрьевич:

“Для того чтобы объяснить изготовление литых тельцов в качестве символов Яхве, высказывалось предположение, что библейский эпитет Бога «могущественный» наряду со словом «бык» (евр. - «сильный» или «мощный»: Быт 49. 24; Ис 1. 24 и др.- ВДВ. Р. 7) восходит к одному евр. корню, к-рый нельзя было соотнести с термином для обозначения литого идола... На основании Исх 32. 4 и 3 Цар 12. 28 можно предположить, что создавшие З. т. пытались привнести в религию Бога Израиля чуждый культ (возможно, бога Сина). В момент исхода из Египта стремление к языческим формам поклонения Яхве могло иметь вполне естественную причину - грубость и религ. невежество евр. народа, соединенные с опытом жизни в языческом окружении”

- “Золотой Телец”, статья из ПЭ

Почему же такое толкование обоснованно? У меня следующие доводы:

- Само по себе убеждение, будто камень, бронза или вообще что-либо материальное и есть бог, — крайне примитивно. Даже среди откровенных идолопоклонников оно было свойственно лишь редким представителям. Большинство считали своих «богов» репрезентациями тех существ, которых они почитали через материю. В случае же с евреями подобное толкование вдвойне абсурдно: нам пришлось бы приписать им серьёзные когнитивные дефекты.

Только человек, совершенно лишённый рассудка, поверил бы, что золото, ещё вчера бывшее украшениями на женщинах, на глазах у всех собранное и перелитое в тельца, вдруг стало самим богом. Мы можем приписывать древним евреям что угодно, но подобное было бы уже за всякой гранью правдоподобия.

- Образно говоря, «ещё вчера» на их глазах истинный Бог совершал великие и внушающие трепет чудеса — и именно Он избавил их от рабства. Полагать, что, согласно библейскому повествованию, они после всего этого просто отвернулись от своего Избавителя, возжелав чтить иного бога, —

мягко говоря, крайне неправдоподобно. Это далеко не лучшее толкование.

- Экзегетически ключевыми здесь являются речения Аарона: *«Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!»* — и *«Завтра праздник Господу»* (в еврейском тексте на месте слова «Господь» стоит личное имя истинного Бога).

Свидетельства указывают на то, что тельца сделали в честь истинного Бога. Израильтяне не поклонялись, в их понимании, другому божеству — они лишь поступили по-своему, желая через видимый образ чтить Того, Кто вывел их из Египта (подобно тому, как сегодня многие православные и католики, создавая образы, стремятся почитать Его через них).

Иными словами, израильтяне приняли этого тельца как объект служения, полагая, что, почитая его, они почитают Бога, выведшего их из Египта. При этом мы видим категорическое неприятие такого служения со стороны Самого Бога. Данный отрывок ставит под серьёзное сомнение православную апологетику образов с её объяснением, будто Бог благосклонно принимает поклонение образу, если через него человек славит Его.

Рассмотренный эпизод показывает, что Писание осуждает не только поклонение ложным богам, но и попытку почитать истинного Бога посредством рукотворного образа.

4) Слова Иисуса в опровержение сатаны

Один из самых распространенных ответов православных (при обсуждении данной и смежных тем) является то, что в их богословии различаются разные формы поклонения: *προσκυνέω* и *λατρεῖα* [проскюнео и латрия] (для оправдания религиозного почитания творений, такой ответ также был дан такими богословами как Иоанн Дамаскин и Федор Студит). Латрия уместна только по отношению к Богу, а первое, по словам православных, можно относить и к творениям.

Проблема в том, что это упрощенный подход. Иисус, отвечая сатане, как можно увидеть, относит уместность и *προσκυνέω*, и *λατρεῖα* **только к Богу**.

"Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи»"

- От Матфея святое благовествование 4:10

Таким образом, необходимо согласиться, что есть по крайней мере определенные формы προσκυνέω, которые нельзя направить к чему-либо (или к кому-либо) кроме как к Богу!

И как только мы согласимся различать между “проскюнео-религиозным поклонением/почитанием” и “проскинео-проявлению уважения” и обратимся к тексту Библии, увидим, что второе происходит исключительно в социокультурной парадигме (уважение к вождю народа, странникам и т. д.).

Таким образом, в конечном итоге, библейский текст делает православные объяснения несостоятельными, ведь религиозное поклонение в любом случае под запретом (независимо от того, речь о λατρεία или προσκυνέω – религиозное поклонение уместно только по отношению к Богу) а православные воздают **именно религиозное поклонение творениям**, а не просто учат о социокультурном уважении (*это видно из таких культовых действий как: каждение фимиамом, сакральные поцелуи икон, коленопреклонения и обязательные возжжения свечей. Всё это говорит о том, что мы имеем дело не с προσκυνέω в “светском” смысле уважения/почтения, а именно ярко религиозно-окрашенным προσκυνέω*).

То, что нужно дифференцировать разные формы προσκυνέω, говорит и православный священнослужитель Иоанн Бурдин в одном из своих [постов](#). Комментируя попытки православных оправдать поклонение ангелам, он пишет:

“Лот поклонился Ангелам (Быт. 19:1). Поклон, который делает Лот, так же, как и поклон его дяди Авраама в предыдущей главе книги Бытия, это не поклонение в религиозном смысле, а способ выразить свое уважение гостям. И Лот, и Авраам в тот момент принимают ангелов за обычных путников и таким образом выражают свое страннолюбие и гостеприимство (о чем пишет и апостол Павел в Евр 13:2)...

Пророк Даниил, павши на лицо свое, поклонился Ангелу (Дан. 10:9, 15)... Эта реакция Даниила опять же похожа не на поклонение, а на страх. Особенно, если учесть, что до этого Даниил говорит, что он почувствовал слабость («не стало во мне крепости»). В современных переводах «оцепенение» вообще переводится, как «глубокий обморок»: «Затем я услышал, как он говорит, и, слушая его, упал ничком в глубокий обморок». Тем более, что ангел тут же спешит поднять Даниила...

Этот последний пример [из Откровения Иоанна] особенно важен, поскольку здесь ангел прямо и недвусмысленно протестует против того поклонения, которое

оказывает ему Иоанн. И подчеркивает, что он такой же служитель Бога, как и любой другой христианин, который верит свидетельству Иисуса Христа

5) Ответ апостола Петра Корнилию

В книге Деяний, в десятой главе, читаем:

"Когда Пётр входил, Корнилий встретил его и поклонился, пав к ногам его. Пётр же поднял его, говоря: встань; я тоже человек"

Продолжив логику предыдущего пункта, можно то же самое усмотреть в эпизоде из Деяний Апостолов. Сотник Корнелий (который был монотеистом и точно не перепутал Петра с Богом) желал воздать Петру религиозное поклонение (не как самому Богу, а как угоднику Бога в религиозном контексте), но, как мы видим, был упрекнут. Опять же, здесь речь идёт **не про латрию** согласно греческому тексту, а конкретно про "проскинео" (в его религиозном смысле).

Отметим, что сотник назван в Писании «благочестивый и боящийся Бога» («φοβούμενος τὸν Θεόν»). Это не просто какие-то случайные слова, это специальная формулировка в контексте иудаизма второго храма. В свободной цифровой энциклопедии представлена такая информация:

Богобоязненные (φοβούμενος τὸν Θεόν, phoboimēnos ton Theon) в период Второго Храма представляли собой группу «язычников», или неевреев, близких к эллинистическому иудаизму, но не обращенных в иудаизм. Упоминаемые в Новом Завете (Послания Павла, Евангелия, Деяния апостолов), они образовали отдельную общину, преимущественно греко-римскую, которая придерживалась монотеистической веры Торы, но не была обязана соблюдать все обычаи иудаизма, включая кашрут и особенно обрезание.

Иными словами, речь о людях из языческого мира, которые почитали единого Бога Израиля, молились и служили истинному Богу, но не были обрезаны и не соблюдали все предписания Моисеева закона.

Итак, зачем же Петру отказывать человеку, который знает истинного Бога, и который совершает не "латрию", а "проскинео" в почитании ему? Почитание, которое, по уверению самих православных, можно воздать праведным/угодникам Божиим!

И если для Петра недопустимо, чтобы пред ним преклоняли колена, даже когда он был жив (*можно было почитать именно его напрямую, а не преклониться перед досками с красками*), если он отвергал такое почитание к себе, то насколько большее преступление мы делаем, если после смерти рисуем образы и пытаемся через них его почитать? Если он отклонил возможность почитания напрямую первообраза, т. е. самого себя, то имеем ли мы право "навязать" ему своё почитание через иконы (т. е. образы)?

Пожалуй, вопрос риторический.

6) Ответ ангела апостолу Иоанну

"Я, Иоанн, видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я — сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись"

- Откровение, глава 22: 8-9

Следует отметить, что данный довод является демонстрацией не просто неприемлемости почитания икон, но и в принципе неприемлемости религиозного почитания чего-либо или кого-либо, кроме Бога.

Этот шестой аргумент невозможно рассмотреть без комментирования апологетических ответов от православных (поэтому данный раздел будет более объемным). На данный момент существуют два разных толкования от православных апологетов, ради того, чтобы избежать критики протестантов.

Первое толкование предлагает православный борец с "сектантами" Николай Варжанский. Цитирую из его "Оружие правды":

Сектанты говорят: Откр.19:10; 22:8–9: Ангел не позволил, чтобы ап. Иоанн поклонился ему: значит, нельзя кланяться Ангелам и угодникам

Православный ответ: Ангел не допустил ап. Иоанна, чтобы он поклонился ему, потому что здесь был престол Божий, и Господу здесь следовало поклониться. Если, например, стоит царь и генерал, и кто, пришедши, будет почтение воздавать генералу, а не присутствующему здесь царю, – конечно, скажут такому, чтобы царя, а не генерала почтил, хотя в другом случае нужно и генерала почитать"

Суть ответа заключается в следующем: Ангелам на самом деле нужно поклоняться, просто апостол Иоанн выбрал “неудачный момент”. “При Боге” лучше никому стороннему не поклониться.

Второе толкование предлагает православный миссионер Игнатий Лапкин:

Только что перед этим явлением являлся Христос в виде Ангела, вслед за тем снова является Ангел. Иоанн поклонился этому Ангелу с внутренним поклонением, как Богу, а такого поклонения Ангел принять уже не мог...

Суть ответа в следующем: Ангелам на самом деле нужно поклоняться, просто нельзя им воздать божеское поклонение, как по ошибке сделал апостол Иоанн.

Что ж, давайте посмотрим, выдерживают ли такие прочтения библейского текста критики?

Апостол Иоанн просто выбрал неправильный момент?

Такое толкование (если это вообще можно назвать толкованием) чревато большим количеством экзегетических проблем и, что ещё хуже, приводит к богохульству!

Ниже я приведу опровержение такого восприятия текста:

- Можно заметить, что в целом апостол описывает визионерский опыт. Иными словами, он говорит о своих “видениях”. Иоанн не был буквально у трона Божьего, в то время как ангел действительно был с Иоанном, взаимодействовал с ним при передаче Откровения. Таким образом, даже если православный апологет прав, Иоанн всё равно мог бы почитать ангела, так как там реально Престола не было (а было лишь видение)
- Ключевая ошибка данного ответа — экзегетическая. Это игнорирование текста, который был ответом ангела, а более конкретно, связь запрета ангела со словом “**сослужитель**”. Проблема объяснения Варжанского в том, что **сам ангел** даёт иное объяснение запрету.

Согласно словам ангела, проблема была не в том, что Иоанн выбрал неудачный момент для поклонения ему (как будто в ином случае поклонение принималось бы им), а в том, что Иоанну, в принципе, не следует ему поклониться, так как ангелы являются лишь **сослужителями верующих**! Вот почему, проблему нельзя видеть в неудачно подобранном моменте, а нужно видеть в самой идее, что верующий во Христа может поклониться ангелам (ввиду того, что ангелы сослужители нам!)

Православным апологетам следует проводить четкое различие двух утверждений: утверждение *"Не поклоняйся мне сейчас, или не поклоняйся мне у Бога/перед Богом"* от утверждения *"Не поклоняйся мне, так как я сослужитель тебе"*.

- Аналогия Варжанского, с различением царя и генерала, терпит неудачу. В то время как в случае царя и генерала есть один общий вид воздания почтения, в случае с Богом и ангелом, согласно самой внутренней логике православия, есть два вида, или два разных способа воздания чести. А именно: *λατρεῖα* Богу, а *προσκυνέω* ангелу!

Таким образом, так как ангел на самом деле достоин *προσκυνέω* (опять же, согласно самой православной парадигме) и только Бог достоин *λατρεῖα* — Иоанн мог бы воздать обоим то, что причитается. Богу латрию, ангелу проскинео. Следовательно, предлагаемая аналогия оказывается несостоятельной, и опять становится "непонятным", зачем ангел запретил Иоанну поклониться ему?

- Следующая проблема с этой аналогией в том, что в самом православии не соблюдается такая "логика". Если даже согласиться с аналогией, что при царе генерала нельзя чтить (и согласиться, что это адекватное описание случая Иоанна), возникает вопрос: а разве неверно, что именно это и делают православные в своих храмах, в которых при наличии иконы Христа почитают иконы святых?

Или разве можно почитать хоть самого прославленного святого, когда в храме Тело и Кровь Иисуса Христа? Таким образом, сама православная практика выступает против объяснения Николая Варжанского.

- Ещё одна, и, наверное, самая серьёзная проблема с этой аналогией в том, что в отличие от земных царей, Царь, о котором идёт речь – Вездесущий! Где бы мы ни почитали ангела, или кого-нибудь ещё, Бог всегда "тут", Он всегда видит и является Свидетелем. Говоря по аналогии Варжанского, в таком случае мы всегда воздаем славу Царя Его генералу, почитая ангелов, иконы и т. п., так как Царь всегда присутствует, а по словам самих апологетов, при присутствии Царя другим поклоняться нельзя!

Поэтому, мнение о том, что здесь был престол Божий, и именно по этой причине Господу следовало поклониться (а не ангелу), является примитивным и языческим представлением о Боге. Такая мысль, что вот, когда Бог не тут — можно поклониться ангелу, а вот когда Бог "тут как тут", то уже нельзя поклониться ангелу — очень грубое представление о Боге. Создается впечатление, что православный хочет тайком от Бога почитать ангела.

По всем этим причинам, я убеждён, что вместо того, чтобы всякими правдами и неправдами, искажая контекст, игнорируя лексику, унижая Бога, пытаться оправдать своё учение — православным нужно лишь довериться простому и ясному смыслу Писания и, прежде всего, быть честным с самим собой.

Итак, предлагаемое Варжанским “толкование” содержит очень грубую, продиктованную язычеством, концепцию о Боге. И, среди прочего, как показано выше, сопряжено с экзегетико-богословскими проблемами.

Апостол Иоанн обозначился?

Теперь давайте рассмотрим предлагаемое И. Лапкиным толкование (согласно которому Иоанн хотел поклониться ангелу как Богу). У меня следующие возражения:

- Допустим, Иоанн действительно перепутал ангела с Богом. В таком случае становится непонятным смысл/целесообразность включения этого события в текст Апокалипсиса Иоанна. В чём авторский замысел?

Чему должен учить этот отрывок, если Иоанн действительно просто ошибочно перепутал ангела с Богом и поклонился?

В чём тогда тѐλος этого библейского эпизода? Если смотреть на это как урок, то урок: «нельзя путать ангела с Богом» слишком банален для богодухновенного текста (и без этого, всем понятно, что ангел не есть Бог и желательно их не перепутать). Более того, Иоанн совершает эту «ошибку» дважды (в 19-й и 22-й главах Откровения), что делает версию о случайной оплошности ещё менее вероятной (этот момент я раскрою ниже).

Вкратце: такое чтение текста представляется некорректным с телеологической перспективы. С другой стороны, если согласиться с моим толкованием, смысл эпизода именно в том, чтобы показать: никакому творению (даже ангелам) нельзя воздавать религиозное поклонение (προσκυνέω или λατρεία в религиозном контексте).

- В 21-й главе (стихи 9-10) описывается, как ангел пришёл к Иоанну и предложил показать невесту Агнца. Дальше по тексту, в первом же стихе 22-й главы говорится, что ангел показал ему также престол Бога и Агнца.

Таким образом, мы видим, что в сознании Иоанна ангел, с которым он взаимодействует, чётко отличается от Агнца, Который сидит на Престоле. В таком свете, учитывая ближайший контекст, объяснение о том, что Иоанн якобы “перепутал” ангела с Самим Сидящим на Престоле (или Агнцем), выглядит крайне неправдоподобным. Это не просто эйзегезис, но и тезис, который косвенно конфликтует с логикой и структурой самого текста Откровения

- Комментарии самого апостола Иоанна делают такое объяснение ложным. Если быть внимательным к тексту, то можно заметить, как сам Иоанн осмысливает/комментирует своё действие. Если бы он воздал именно божеское поклонение ангелу, нам следовало бы считать, что Иоанн именно так осмыслил своё действие, не так ли? Однако же, сам апостол относится к своим действиям вовсе не так, как

пытаются представить православные апологеты.

То, что Иоанн не считал, что он воздаёт божеское поклонение ангелу – обнаруживается двумя способами.

Во-первых, апостол Иоанн, характеризуя своё действие, пользуется греческим словом προσκυνῆσαι [проскюнесай]. Согласно официальному богословию православия, такое почитание вполне уместно по отношению к творениям (было бы неуместно, если бы Иоанн воздал именно λατρεία). Так почему бы Иоанну не передать читателю, что это было именно *latreia*? А ведь апостол не только не говорит так, но и говорит обратное! (что он воздал ангелу “проскюнео”)

Во-вторых, обратите внимание, как он выражается о направленности/интенции своего действия.

И в 19-й, и в 22-й главе апостол чётко указывает, что целью его поклонения был именно ангел:

*«Я пал к ногам его, чтобы поклониться **ему**»* (Откр. 19:10)

*«Пал к ногам ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться **ему**»* (Откр. 22:8)

Так кому хотел поклониться Иоанн? Сторонник толкования Лапкина сказал бы: «Он пал на колени, чтобы поклониться Христу».

Но сам Иоанн говорит, что он пал, **чтобы поклониться «ему»** — и это местоимение по тексту относится к ангелу. Именно так Иоанн характеризует направленность своего действия.

Если бы в намерениях Иоанна было поклонение Христу, он ввёл бы читателя в заблуждение. В таком случае мы ожидали бы высказывание вроде: *«Я пал к ногам его, чтобы поклониться Христу»* или *«Я пал к ногам его, думая, что поклоняюсь Христу»*

Вот что особенно важно: этот текст Иоанн пишет постфактум. По версии толкования Лапкина, к моменту записи Иоанн уже точно знает, что ангел не был Христом — ведь ангел сам его одёрнул. И тем не менее, рассказывая читателю уже после событий, Иоанн характеризует своё действие как направленное именно к ангелу. Он не делает никаких оговорок о «путанице» или «ошибке». Он описывает то, что было: он хотел поклониться ангелу.

Было бы нелепо с нашей стороны полагать, что мы лучше понимаем интенции Иоанна, чем он сам. А сам Иоанн, комментируя/характеризуя свои действия, даёт нам понять, что они были задуманы как воздание чести ангелу (как уже было сказано, это видно как из использования определённого греческого слова, так и из связи местоимения “ему” с выражением его целеполагания, в постфактум изложении).

Так, с какой стати мы можем приписывать Иоанну воздание латрии ангелу,

если сам Иоанн по-другому относится к своему действию? Думаю, вопрос риторический!

- Реакция самого ангела делает такое восприятие текста несостоятельным. Здесь, как и в случае с толкованием Варжанского, не учитывается специфика ответа ангела.

С чем именно он связывает запрет поклонения?

Если читать текст без предвзятой установки, становится видно, что ангел не корректирует ошибку идентификации (ангела как Бога). Он не говорит: «Я не Христос, ты меня перепутал». Он говорит: «Смотри, не делай сего; ибо я — сослужитель тебе и братьям твоим пророкам... Богу поклонись» (Откр. 22:9).

Ключевое слово здесь — «сослужитель» (σύνδουλός σου). Ангел подчёркивает равенство своего статуса с Иоанном, пророками и вообще с верующими во Христа. Это не исправление путаницы («ты принял меня за кого-то другого»), а указание на **принцип**: ни ангел, ни пророк, ни апостол не могут быть объектами религиозного поклонения (προσκυνέω). Такое поклонение должно быть направлено исключительно Богу.

Если принять толкование, что Иоанн просто обозначился, то ответ ангела оказывается абсурдным в рамках православной позиции. Ведь ангел не просто запрещает божеское поклонение (λατρεία) творению, но он, фактически, ставит себя в один ряд с пророками и верующими, **отвергая само право на προσκυνέω между «сослужителями»**.

Даже православный не станет воздавать религиозное προσκυνέω своему сослужителю по приходу (например, брату Андрею) так, как он делает это по отношению к ангелам или угодникам. Между тем ангел в Откровении именно к такой логике и приводит: между сослужителями такое προσκυνέω недопустимо.

То есть ангел, приравняв себя к верующим, отрицает иерархию, при которой ангелам (или святым) причиталось бы особое поклонение. Ответ ангела включает и ангелов, и праведников, и вообще всех верующих во Христа, в одну категорию — *«служителей Божьих и сослужителей друг другу»*, **между которыми не может быть религиозного προσκυνέω**. Он предполагает, что отношение к нему со стороны верующих должно быть, как к сослужителю, то есть без какого-либо религиозного поклонения — ни λατρεία, ни προσκυνέω.

Изъян в теории об "ошибке идентификации" в том, что она не объясняет, почему ангел приравнял себя к Иоанну (и вообще к верующим), а не просто указал, что он ниже Бога (тем самым указав на ошибку Иоанна, который, предпологаемо, отождествил ангела с Богом).

Вкратце можно сказать следующее: если бы проблема заключалась только в том, что Иоанн принял ангела за Бога, ответ ангела нужно считать

странным, избыточным и даже противоречащим правде, ввиду того, что он опровергает не ошибку идентификации (ангела как Бога), а саму идею, что ангел может быть объектом религиозного поклонения со стороны верующих во Христа.

- Теория "ошибки идентификации" (будто Иоанн просто перепутал ангела со Христом) крайне неправдоподобна также ввиду факта двукратного повторения этого эпизода (Откр. 19:10 и 22:8-9).

Если бы проблема заключалась в когнитивной путанице, то после первого же прямого разъяснения со стороны ангела, Апостол не совершил бы ту же самую нелепую ошибку идентификации три главы спустя. Это выставило бы Иоанна Богослова человеком с тяжелой амнезией или неспособным усвоить базовую истину о том, кто перед ним находится.

Однако двукратное падение ниц естественным образом объясняется, если проблема не в идентификации личности, а в нарушении принципа поклонения. В данном случае, это уже не "сбой в памяти" или умственная отсталость, а психологическая реакция человека на ослепительное апокалиптическое видение. Иоанн не путает, кто перед ним; он дважды реагирует на ослепительную славу небесного посланника.

В 19-й и 22-й главах апокалиптическое видение достигает своего пика, и человеческий инстинкт благоговения срабатывает дважды, побуждая воздать религиозное поклонение (προσκυνέω). При этом Иоанн чётко понимает, что перед ним не Бог и не воздаёт ту же честь что и Богу (а воздает просто религиозное почтение-проскьюнео). Ангел же пресекает именно это нарушение духовного принципа: религиозное почитание не воздается "сослужителям", какими бы величественными они ни были.

Подытоживание шестого аргумента: Стоит отметить также, что толкование Н. Варжанского и толкование И. Лапкина сходятся в том, что они вдохновлены мотивом "антисектантской" полемики.

Я старался найти подобные толкования у древних экзегетов, но не смог. Никто из толкователей, которых я читал, не говорил, что Иоанн просто выбрал неправильный момент для поклонения ангелу, или же, что он подумал, что перед ним Бог. Я не смог найти ни одного толкования от древних отцов, которые, различая две формы поклонения, приписывали бы Иоанну именно воздание божеского поклонения ангелу (если, конечно, не читать искажённые переводы) или сказали бы, что Иоанн обознался.

Такие чтения текста кажутся совершенно искусственно созданными католическими и православными полемистами исключительно ради оппонирования "еретикам" (чем и объясняется оторванность экзегезы данного места от церковной традиции. Подобные толкования, возможно, возникли в 16-ом веке, ради борьбы с протестантами).

Если читать древних церковных толкователей, то практически все они сходятся в ключевой части со мной, с моим пониманием! Их толкование предполагает, что

Иоанн желал поклониться ангелу как ангелу, и этим согрешил!

Так почему же апостол согрешил, если он поклонился ангелу, понимая, что перед ним не Бог?

У православных апологетов, как я вижу, нет на это корректного ответа (при этом, в протестантском богословии всё идеально сходится).

У древних экзегетов можно найти такое понимание, что воздание чести ангелам было уместно до Воплощения, но что после Искупытельного Подвига Христа – это уже нельзя делать, так как верующие стали равны ангелам через Христа (*толкование Григория Великого*) или можно найти более простое понимание, что в принципе, кроме Бога никого нельзя религиозно почитать (не важно это *προσκυνέω* или *λατρεῖα*), так как только Творец достоин религиозного почитания (*толкование Афанасия Великого*).

Но все древние толкования, как отмечено выше, сходятся в том, что христианам запрещено воздать религиозное почитание ангелам (и в этом, святоотеческое толкование пересекается с моим пониманием текста).

Таким образом, в то время как православные апологеты предлагают толкования, которые не выдерживают *ни экзегетической, ни патристической, ни в целом богословской* проверки (и, возможно, искусственно введены после 16-го века) – мною предлагается толкование, которое является *библейски, богословски, патристически* последовательным и обоснованным.

Также стоит отметить, что, обсуждая эти отрывки из Откровения, православные апологеты часто ссылаются на места из Ветхого Завета, где Ангелу воздаётся, по-видимому, религиозное почитание и при этом почитание принимается. Однако, здесь упускается из виду факт, что в большинстве случаев это происходит в контексте теофаний, где Сам Бог, а конкретнее, по консенсусу ранних отцов, Логос – Сын Божий является как Ангел Господень. И, соответственно, эти места не только не опровергают классическое протестантское толкование, но и косвенно подтверждают (ведь мы видим, что религиозное почитание воздается НЕ творению).

Другие места, на которые ссылаются апологеты, это случаи, когда ангелам кланяются, но не как ангелам, а принимая как людей (соответственно, это уже не может служить контр-примером моему тезису, так как это уже *προσκυνέω* не в смысле религиозного почитания, а почтение в контексте социокультурных установок).

Этот аспект хорошо комментирует православный священник Иоанн Бурдин, слова которого я привёл ранее (пожалуй, продублирую):

“Лот поклонился Ангелам (Быт. 19:1). Поклон, который делает Лот, так же, как и поклон его дяди Авраама в предыдущей главе книги Бытия, это не поклонение в религиозном смысле, а способ выразить свое уважение гостям. И Лот, и Авраам в тот момент принимают ангелов за обычных путников и таким образом выражают свое страннолюбие и гостеприимство (о чем пишет и апостол Павел в

Евр 13:2)...

Этот последний пример [из Откровения Иоанна] особенно важен, поскольку здесь ангел прямо и недвусмысленно протестует против того поклонения, которое оказывает ему Иоанн. И подчеркивает, что он такой же служитель Бога, как и любой другой христианин, который верит свидетельству Иисуса Христа

7) Бессмысленность данной практики и потенциальное идолопоклонство

Наконец, даже если на время отвлечься от прямых библейских запретов и гипотетически допустить, что почитание изображений в отдельных случаях допустимо, мы не можем не учитывать пастырский аспект. Нельзя закрывать глаза на два неоспоримых факта.

Во-первых, практика иконопочитания объективно таит в себе серьезную опасность перерождения в идолопоклонство. История и современная церковная жизнь дают нам немало примеров злоупотреблений, когда почитание образа подменяет собой поклонение Живому Богу и становится поводом для всяких суеверий.

Во-вторых, суть христианства — это служение Богу в «Духе и Истине» (Ин. 4:24). Поклонение не зависит от материальных посредников, а если изображения и допустимы, то они всегда вторичны, производны и могут существовать лишь до тех пор, пока органично вписываются в это духовное служение (если вообще вписываются). Если же они его искажают или отвлекают от него, их применение становится более чем сомнительным.

Учитывая эти риски и памятуя о приоритете внутреннего благочестия, служения Богу в духе, здравомыслящий человек придёт к следующему выводу: такую практику нельзя не только поощрять, но и следует постепенно изживать её хотя бы ради общего блага. В этом нас поддерживает авторитет апостола Павла, который руководствовался не абстрактной «правильностью», а реальной пользой для братьев:

“Берегитесь, однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных. Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?

И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос. А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа.

И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего”.

Если честно признаем наличие злоупотреблений, то мы признаем также, что есть немощные, для которых это в соблазн, что для многих верующих иконы становятся камнем преткновения. И тогда какое оправдание мы можем найти своему упорству? Какое же оправдание тогда можно иметь, если не заботимся о слабых братьях и сёстрах, а из-за слепой гордости продолжаем делать одно и то же (потому что так делали наши предки)? А забота о немощных, за которых умер Христос?

Продолжать настаивать на почитании икон лишь бы следовать “традиции”, закрывая глаза на духовный вред для «малых сих», — поведение, чуждое евангельскому духу. Именно поэтому даже оставив в стороне все прямые библейские аргументы против икон (а я считаю их достаточно убедительными), благоразумный человек не может мириться с позицией, которая ставит знак равенства между отказом чтить иконы и отлучением от Церкви, как это было закреплено решениями Второго Никейского собора. В такой бескомпромиссности нет ни христианской любви, ни здравого смысла.

В таком случае Предание перестаёт быть передачей огня и превращается в поклонение пеплу!

В связи с этим пунктом мне известно возражение, что если так, тогда давайте и от Библии откажемся, ведь можно злоупотреблять и Библией!

Однако, честно говоря, это откровенно нелепое возражение, и является ложной аналогией, ввиду того, что моя критика выстроена не сугубо на том, что “можно злоупотреблять”, а на соображении, что если нечто не является существенным для христианской веры, или особо важным, и, при этом, способно ввести людей в погибель, стать камнем преткновения, соблазнять – мудрым и основанным на Писании решением будет отказаться от этого.

Разумеется, это не может касаться Священного Писания, так как Писание, даже при том что можно злоупотреблять, является существенным и крайне важным для христианской веры. Выражаясь словами Златоуста, которого я буду цитировать по памяти, несложно спастись с Писанием, а без него вовсе невозможно!

В этом разделе ясно продемонстрировано, что библейские тексты последовательно запрещают культовое использование изображений (и в принципе религиозное почитание творений). Однако православные часто утверждают, что ранняя Церковь понимала эти запреты иначе. Проверим это утверждение, обратившись к свидетельствам самих раннехристианских авторов.

Раннехристианская традиция

Выше я уже частично касался этого пункта, но постараюсь в данном разделе дополнить и систематизировать. Я думаю, совершенно очевидно, что Ранняя Церковь (до Никеи) не только не имела икон в собственном смысле слова, и не только не почитала, но и была категорически против этой практики, считая это идолопоклонством.

Если мы беспристрастно исследуем весь корпус текстов, то с необходимостью приходим именно к этому выводу – был консенсус среди учительствующих христиан в пользу аниконизма (следует помнить, что аниконизм – это спектр, главным стержнем которого является исключение литургической функции искусства. Таким образом, аниконист может быть даже лояльным к искусству в стенах церковных зданий, если образы не почитаются).

Нужно отметить, что церковное искусство среди христиан начинает появляться к третьему веку (не ранее, как некоторые ошибочно полагают), но, как я уже отметил, это не были иконы в собственном смысле слова. Мы имеем дело скорее с символическими образами, евангельскими притчами, “типами”.

Вкратце говоря, эти образы были скорее повествовательными и прежде всего чему-то учили/повествовали (сюжеты из Библии). Всё искусство этой эпохи имело декоративную, иногда дидактическую роль (более-менее сопоставимо с херувимами из Ветхого Завета).

Ниже будет большая подборка из высказываний раннехристианских богословов и апологетов, демонстрирующая отношение ранней Церкви к изображениям (а в особенности, к практике религиозного почитания образов).

Читая отрывки, которые будут ниже, особенно следует обратить внимание, что возражения ранних авторов основаны на общих принципах [иными словами, критикуя языческие практики, они критикуют не сугубо эти практики, но вообще центральные идеи, которые лежат под практикой почитания образов (например, идею, что *“можно через материальный образ почитать Божество-Первообраз”*). Тем самым они подрывают логику иконопочитания в принципе, а не сугубо форму почитания язычников. Я подробно рассмотрю это ниже, после подборки цитат].

Источники на все цитаты указаны (при желании, можно проверять приводимые отрывки в контексте). Что касается переводов, в подавляющем большинстве случаев цитаты приведены либо по доступным русскоязычным переводам (эти сочинения можно найти на портале *“Азбука Веры”*), либо же, по доступным англоязычным переводам из католического сайта-библиотеки *“newadvent.org”*.

Флорилегий про почитание образов

Минуций Феликс — христианский апологет II века, перечисляя аргументы язычников против христианства, передает нам возмущение язычника:

«Почему у них нет ни алтарей, ни храмов, ни признанных образов?»

На что апологет отвечает:

“Неужели вы думаете, что мы скрываем предмет нашего богочтения, если не имеем ни храмов, ни алтарей? Какое изображение Бога я сделаю, когда сам человек правильно рассматриваемый, есть образ Божий? Какой храм Ему построю...”

- Октавий, глава 32

Климент Александрийский — ранний христианский богослов и служитель, глава Александрийской школы, в пятой книге «Строматы», пишет:

*«Пифагор предписывал «не носить перстней и не вырезать на них изображений богов». Но ведь и Моисей, только много ранее, заповедовал не творить литые, лепные или рисованные изображения и не поклоняться чему-либо материальному, но обращаться только к умопостижаемому. Ведь сопоставление Божественного величия с предметами, видимыми и **поклонение умопостигаемой природе посредством материального означает унижение ее через чувственное**. По этой причине мудрейшие из египетских жрецов решили, что храму Афины надлежит оставаться без кровли, а евреи сотворили храм без каких-либо изображений в нем.»*

В седьмой книге Климент пишет:

*«То, что сделано руками, сродни материалу, из которого оно сотворено. Так, изделие из слоновой кости есть слоновая кость, изделие из золота – золото. Идолы и храмы, воздвигаемые простыми ремесленниками, создаются из косной материи и навсегда остаются безжизненными, вещественными и не содержат в себе ничего святого. Как бы ни совершенствовалось искусство, вещество всегда останется верным своей природе. Поэтому **произведения искусства не могут считаться священными и божественными.**»*

Удивительное утверждение! Здесь Климент выражается радикальнее многих протестантов, так как он доходит до того, что «произведения искусства не могут

считаться священными и божественными».

Мы видим радикальный аниконизм и радикальное неприятие всего материального в контексте богочитания. Для Климента сам тот факт, что изображения или храмы материальны, по определению означает, что эти вещи невозможно поместить в истинную религию.

Продолжая, он пишет:

«Если правда, что храм, во-первых, есть видимый образ Божественного величия и, во-вторых, вещественноеместилище Божественного существа, то не лучше ли назвать храмом Божества собрание, которое, став святой через познание Бога, учреждена во славу Его? **Вот подлинное святилище** – величественное, воздвигнутое не руками ремесленников и украшенное не искусством чародеев, а волей самого Бога. Однако Церковью мы назовем не здание, но собрание избранных. И это будет храм, достойный вмещать божественное величие и славу; жертва драгоценная и в чистоте своей подобающая Тому, Кто достоин всякого почитания и Который (отметим ещё раз) по Своей все превосходящей святости не может ничему быть уподоблен.»

- Строматы, книга седьмая

«Ибо нам категорически запрещено заниматься искусством обмана: «Не делай, говорит пророк, изображения чего-либо, что на небе вверху и что на земле внизу.»

- Увещевание язычникам, глава 4

В той же главе пишет:

«Создатели богов поклоняются не богам и демонам, а, на мой взгляд, земле и искусству, которые идут на создание образов. Ибо, по правде говоря, **изображение - это всего лишь мертвая материя**, сформированная рукой мастера. Но у нас нет чувственного образа чувственной материи, но есть образ, воспринимаемый только разумом, — Бог, который один является истинным Богом.»

У Климента мы видим те же тенденции, что и у других апологетов. Категорическое неприятие любой предполагаемой материальной святыни. Будь то храмы, или алтари, или изображения.

Тертуллиан Карфагенский, основатель латинской патристики и богослов третьего века, также выражается категорично:

«Но тот же Корнелий Тацит, действительно плодovitый на выдумки, в той же истории рассказывает, что Гней Помпей не нашел никакого изображения в храме иерусалимском, который осматривал он тщательно с тем, чтобы открыть там тайны иудейской религии.

А во всяком случае, если бы иудеи почитали какое-либо изображение, то оно не должно было бы храниться ни в каком другом месте, кроме их святилища, тем более, что почитание, хотя и суетное, не могло опасаться сторонних зрителей, так как в это святилище дозволено было входить только священникам. Что касается до прочих, то у них задернутою завесою отнята была возможность даже смотреть туда.»

- Аполлогетик, глава 16

«Многие так и полагают, что идолопоклонство состоит лишь в воскурении или заклании и принесении в жертву, либо в обязательствах, взятых в отношении каких-либо храмов или жрецов. Это все равно что считать прелюбодеяние состоящим в поцелуях, объятиях и самом плотском соитии, а убийство – лишь в пролитии крови и исторжении души. Но насколько шире смотрит на это Господь... Но когда дьявол ввел в мир творцов статуй, картин и изображений всяческого рода, тогда-то и получило от идолов свое название это в то время новое, а впоследствии распространившееся бедствие рода человеческого.

С тех пор источником идолопоклонства стало всякое искусство, каким бы образом оно ни создавало своих идолов. Ведь безразлично, вылепил ли их скульптор, вырезал ли резчик или выткал вышивальщик, потому что нет разницы, создан ли идол из гипса или посредством красок, из камня или бронзы, из серебра или ниток... Поэтому всякую картину или картинку, что-либо изображающую, следует считать идолом.»

- Об идолопоклонстве, 16 глава

Раннехристианский выдающийся богослов, апологет, глава Александрийской школы (воспитавший не одного святого или мученика) – **Ориген Адамантий**, пишет, отвечая на критику язычника:

«Далее Цельс полагает, что в том случае, когда мы оказываем Божеское почитание «схваченному и умершему» – это его собственные выражения – то мы, будто бы, поступаем так же, как и геты, которые чтут Замолксиса, как и киликийцы,

почитающие Мопса, акарнанцы – Амфилоха, фиванцы – Амфиара, левадийцы – Трофония... Те народы воздвигают перечисленным (лицам) храмы и статуи. А мы все эти вещи уже исключили из области (своего) богочитания... Мы же преисполнены глубокого почитания (к личности) Иисуса потому, что **Он отвлек наши мысли от всех чувственных вещей, которые не только сами по себе тленны, но и действительно подлежат тлению.**»

- Против Цельса 3.34

Говоря о древних иудеях, Ориген Александрийский пишет:

«Ибо в их стране не существовало **ни живописца, ни изобразителя, и закон изгонял их из него; чтобы не было предлога для построения образов – искусства, привлекающего внимание глупых людей и уводящего взоры души от Бога к земле.**»

- Против Цельса 4.31

«Мы, с другой стороны, считаем “необразованными” тех, кто не стыдится обращаться (с мольбами) к неодушевленным предметам, и призывать о здоровье тех, у кого нет сил, и **просить мертвых о жизни, и умолять беспомощных о помощи.** И хотя некоторые могут сказать, что эти объекты - не боги, а всего лишь имитации и символы реальных божеств, тем не менее именно эти люди, воображающие, что руки низших ремесленников могут создавать имитации божественности, являются “необразованными, раболепными и невежественными”; ибо мы утверждаем, что низшие из нас были освобождены от этого невежества и недостатка знаний, в то время как самые разумные могут понять и ухватить божественную надежду»

- Против Цельса 6.14

«Цельс говорит, что христиане терпеть не могут храмы, алтари или изображения. В этом они похожи на скифов, кочевые племена Ливии, Серам, которые не поклоняются богу, и некоторые другие из самых варварских и нечестивых народов в мире. ...” **На это наш ответ таков:** если эти группы не могут выносить вида храмов, алтарей, и образы, из того, что мы не можем терпеть их больше, чем они, не следует, что основания, по которым мы возражаем против них, те же, что и у них...Они согласны в этом с христианами и иудеями, но они руководствуются совсем другими принципами.

Ибо никто из этих первых не питает отвращения к алтарям и изображениям на

том основании, что они боятся унижить поклонение Богу и свести его к поклонению материальным вещам, созданным руками людей...

Но христиане и иудеи почитают заповедь сию: Бойтесь Господа, Бога вашего, и служите Ему одному»; и другую: «Не будет у вас других богов предо Мною; не делайте себе кумиров и подобий того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде под землей; не поклоняйтесь им и не служите им»; и ещё одну: «Поклоняйся Господу, Богу твоему и Ему одному служи».

Принимая во внимание эти и многие другие подобные заповеди, христиане не только избегают храмов, алтарей и истуканов, но и готовы принять смерть, когда это необходимо, вместо того, чтобы унижить каким-либо таким нечестием свое представление о Всевышнем Боге... Невозможно одновременно познавать Бога и обращаться с молитвами к изображениям.»

- Против Цельса 7.62-7.65

«Поэтому неверно, что мы возражаем против строительства алтарей, статуй и храмов, потому что мы согласились сделать это знаком тайного и запретного общества; но мы делаем это потому, что **научились у Иисуса Христа истинному пути служения Богу** и уклоняемся от того, что под предлогом благочестия ведет к крайнему нечестию тех, кто оставляет путь, указанный нам Иисусом Христом.»

- Против Цельса 8.20

Ориген также критикует идею “восхождения” от зримой иконы к незримой Реальности.

«Какой же здравомыслящий человек не рассмеется, когда увидит того, кто, постигнув через философию столь глубокое и величественное познание о Боге или богах, тотчас же обращается к изображениям и приносит им свои молитвы или же считает, что **рассматривание этих материальных вещей способно поднять его от видимого символа к духовному и бестелесному?** Но христианин, даже из простого народа, уверен, что каждое место является частью вселенной и что вся вселенная является храмом Божьим. В какой бы части света он ни находился, он молится; но он возвышается над вселенной, закрывая очи чувств и поднимая вверх очи души. И он не останавливается на небесном своде; но, пройдя мыслью за пределы небес, под руководством Духа Божия, и, таким образом, как бы выйдя за пределы видимой вселенной, возносит молитвы Богу».

- Против Цельса», кн. VII, § 44

Арнобий Африканский – богослов и апологет христианства третьего века, обращаясь к язычникам, критикует их религию и практики, возвышая христианство тем, что у христиан нет ни храмов, ни алтарей, ни изображений, ни благовоний:

«...мы должны теперь поговорить об их храмах, а также об их изображениях и жертвоприношениях и о других вещах, которые прибиты гвоздями и тесно связаны с ними. Ибо у вас здесь вошло в привычку возлагать **на нас очень серьезное обвинение в нечестии, потому что мы не возводим храмы для церемоний поклонения, не устанавливаем статуй и изображений какого-либо бога, не строим алтарей, не приносим в жертву кровь убитых существ, благовония или жертвенные трапезу, и, наконец, не приносим вина, льющегося в возлияниях из священных чаш; которые, действительно, мы пренебрегаем строить и исполнять, не потому, что лелеем нечестивые наклонности или испытываем какое – либо безумно отчаянное чувство презрения к богам, но потому, что мы думаем и верим, что они – если только они истинные боги и называются этим возвышенным именем - либо презирают, такие почести, если они уступают место презрению, или переносят их с гневом, если они вызваны чувством ярости.»**

- Против язычников 6.1

«Но мы не строим им храмов, не поклоняемся изображениям их, не закалываем животных и не приносим в жертву ладана и вина. Как же мы можем приписать им более чести и достоинства, нежели тем, что ставим их в такое же отношение, в какое Главу и Владыку мира и самого высочайшего Царя, Которому они вместе с нами обязаны тем, что сознают себя существующими и пользующимися жизнью? Разве мы чтим Его святилищами или построением храмов? Разве мы закалываем для Него жертвенных животных? Разве мы посвящаем Ему другие предметы, приношение и возлияние которых служат требованием не разумного основания, а обычая, установившегося из-за привычки? Это совершенное безумие – по своим нуждам судить о более могущественном, и то, что требуется для тебя, приносить подающим это богам и считать это за честь, а не за поношение...»

- Против язычников 6.3

«Таким образом, мы, полагая, достаточно показали, что храмы бессмертным богам или напрасно воздвигнуты, или вопреки достоинству и признаваемому могуществу построены вследствие оскорбительных мнений. Теперь нам следует сказать нечто о статуях и изображениях, которые вы изготавливаете с большим искусством и которым оказываете религиозное почитание... ибо если для вас несомненно, что боги, признаваемые вами, существуют и пребывают в высших небесных областях, то что служит причиной или основанием того, что вами

изготавливаются эти изображения, когда имеются действительные существа, которым вы можете молиться и просить их, в случае нужды, о помощи?»

- Против язычников 6.8

«Посредством изображений, говорите вы, мы чтим богов. Что же? Если бы этих изображений не было, то разве боги не знали бы, что им служат, и не могли бы признать, что им оказывается чествование? Таким образом, как бы окольными путями и через некоторого рода, так сказать, уполномочия они получают и принимают ваши чествования, и прежде, чем они узнают, для кого предназначается это поклонение, вы приносите жертвы перед изображениями и предоставляете им самим как бы некоторые остатки из чужого полномочия. Что может быть более оскорбительным, обидным и жестоким, нежели признавать богом одно, а совершать моления перед другим, надеяться на помощь от божества, а испрашивать ее у бесчувственной статуи? Не то же ли это значит, спрашиваю, что, как говорится в народных пословицах, бить кузнеца, когда хотят наносить удары сукновалу, и просить мнения об образе действий у ослов и свиней, когда ищут совета у человека?»

- Против язычников 6.9

Арнобий, тех людей, которые говорят, что через образ они воздают честь первообразу, уподобляет тем, кто спрашивает что-то у осла, при этом ища совет у человека.

А ведь именно так же, как и язычники, православные объясняют почитание изображений.

«Не видишь ли ты иногда на лице образа паутину и коварные сети, заплетаемые пауками, чтобы они могли на лету запутать в них жужжащих и неосторожных мух? Разве вы не видите, наконец, что ласточки, полные грязи, летая внутри самых куполов храмов, мечутся и мажут то самые лица, то уста божеств, бороды, глаза, носы и все прочее? другие части, на которые падают их экскременты? Покраснейте же, хотя и поздно, и принимайте истинные методы и взгляды от бессловесных животных, и пусть они научат вас, что нет ничего божественного в образах, которых они не боятся и не гнушаются бросать нечистые вещи, повинувшись законам своего существа и ведомые своими естественными инстинктами.»

- Против язычников 6.16

Лактанций Никомедийский — другой древнехристианский апологет III — IV века выражается в подобной манере:

«Не безумие ли создавать тех, кого потом будешь бояться, или бояться тех, кого сотворил? «Не их самих, – говорят, – мы боимся, но тех, по образу кого они созданы и под чьим именем обоготворены». Надо думать, потому вы и боитесь тех, кто, как вы считаете, пребывают на небе; ведь если они – боги, то иначе и быть не может. **Почему же вы тогда не поднимаете к небу очи свои и не призываете по именам их, не приносите открыто жертвы?** Почему вы больше смотрите на стены, на дерево, на камни, а не туда, где, как вы верите, они **находятся?** Зачем им храмы и алтари? К чему, наконец, статуи, которые являются памятниками умершим и несуществующим? Ведь мысль создавать образы потому пришла к людям, что с их помощью можно было сохранять память о тех, кто или умер, или далеко.

В число кого же мы включим богов? Если в число мертвых, то кто столь глуп, чтобы их почитать? Если в число отсутствующих, то их не следует чтить, поскольку они не видят того, что мы делаем, и не слышат того, о чем мы просим. Если же боги не могут отсутствовать и, поскольку это божественное свойство, присутствуют в каждой части мира, а стало быть, все видят и все слышат, то статуи тогда излишни. Ведь боги всюду присутствуют, и достаточно в молитвах обратиться к ним по имени, чтобы они услышали...

Я спрашиваю, если кто-то часто смотрит на портрет человека, находящегося вне дома, чтобы через это получить утешение в разлуке, то неужели его следует считать здоровым, если он будет продолжать смотреть на портрет, когда тот человек вернется и будет рядом, и предпочтет наслаждаться портретом, а не видом самого человека? Конечно, нет. И все же портрет человека представляется необходимым, когда этот человек находится далеко, и излишним, когда он рядом. Образ же Бога, воля Которого и дух разлиты повсюду и никогда не могут быть далеко, всегда излишен.»

- Божественные установления 2.2

«Бог больше человека: следовательно, Он выше, а не ниже; и искать Его следует не в низшей, а скорее в высшей области. А потому несомненно, что там, где есть изображение, нет религии. Ибо если религия состоит из божественных вещей, а нет ничего божественного, кроме как в небесных вещах, то из этого следует, что **изображения лишены религии, потому что не может быть ничего небесного в том, что сделано из земли.** И это, действительно, может быть ясно мудрому человеку из самого названия. Ибо что бы ни было подражанием, это по необходимости должно быть ложным; также ничто не может получить название

истинного объекта, который подделывает истину путем обмана и подражания. Но если всякое подражание - это не особенно серьезное дело, а как бы развлечение и шутка, то в изображениях нет религии, а есть подражание религии. Следовательно, то, что истинно, должно быть предпочтено всему ложному; земные вещи должны быть попораны, чтобы мы могли обрести небесные вещи.»

- Божественные установления 2.19

Где есть изображение, там нет религии! Обратите внимание, насколько это радикально аниконическая позиция!

Евсевий Кесарийский (ок. 260–340), епископ, в своё время был весьма авторитетным церковным богословом, апологетом и учителем. Евсевий также именуется отцом церковной историографии.

Он выражает радикальную аниконическую позицию. В «Церковной истории» Евсевий рассказывает о статуе, которая предположительно сделана в честь Христа.

Он пишет:

«Эта статуя, говорили, изображает Иисуса; она уцелела до сих пор; я, будучи в этом городе, видел ее собственными глазами. Нет ничего удивительного в том, что в старину язычники, облагодетельствованные Спасителем нашим, это делали. Я ведь рассказывал, что сохранились изображения Павла, Петра и Самого Христа, написанные красками на досках. Естественно, что древние привыкли, особенно не задумываясь, по языческому обычаю, чтить таким образом своих спасителей.»

-Церковная история 7.18

Около 327 года Евсевий, живший в Иерусалиме, получил письмо от сестры императора, Констанции, с просьбой прислать ей изображение Христа. Он упрекает ее за просьбу, говоря, что такие изображения ведут к идолопоклонству. Он также сообщает, что некая женщина принесла ему два подобия, которые могли быть философами, но она утверждала, что это были изображения Павла и Христа. Он конфисковал их, чтобы они не стали камнем преткновения для нее или для других. Он напоминает Констанции, что апостол Павел провозглашает свое намерение «знать Христа уже не по плоти».

Вот отрывок из его письма к Констанции:

“Вы также писали мне о каком-то предполагаемом изображении Христа, изображение которого вы хотели, чтобы я вам послал. Что же это за вещь, которую вы называете изображением Христа? **Я не знаю, что побудило вас просить, чтобы изображение нашего Спасителя было нарисовано.** [...] Как можно нарисовать изображение столь чудесной и недостижимой формы — если термин «форма» вообще применим к божественной и духовной сущности — если только, подобно неверующим язычникам, не изображать вещи, которые не имеют возможного сходства ни с чем...? Ибо они также делают таких идолов, когда хотят вылепить подобие того, что они считают богом или, как они могли бы сказать, одним из героев или чем-либо еще в этом роде, но не способны даже приблизиться к сходству и поэтому намечают и представляют какие-то странные человеческие формы. **Конечно, даже вы согласитесь, что такие практики незаконны для нас.**

Но если вы хотите просить меня об образе, не о Его форме, преобразованной в форму Бога, но о смертной плоти до ее преобразования, может быть, вы забыли тот отрывок, в котором Бог устанавливает закон, что не должно быть никакого подобия ни того, что на небе, ни того, что на земле внизу? **Вы когда-нибудь слышали что-либо подобное либо сами в церкви, либо от другого человека? Разве такие вещи не изгнаны и не исключены из церквей по всему миру, и разве не известно, что такие практики запрещены только для нас?**”

- Патрология Миня. PG 20. [Тут английский перевод](#)

Евсевий, в отличие от нас, имел привилегию не только быть знакомым с общеизвестным христианским учением, распространенным во всей церкви в то время, но и был знаком со многими раннехристианскими документами, которые, к сожалению, до нас не дошли. И этот же человек свидетельствует, что то, о чем он говорит, является общепринятым в христианстве!

По мере того, как в церковь проникло все больше и больше язычников, церковное изобразительное искусство начало почитаться.

В начале четвертого века, **в Испании, был созван собор (Эльвирский собор)**, на котором епископы выразили свою обеспокоенность насчёт языческой склонности верующих. Испанские епископы, вероятно с участием очень знаменитого и уважаемого епископа (Осий Кордубский), издали правила.

В 36-ом правиле этого собора мы читаем:

«Placuit picturas in ecclesias esse non debere, nequod colitur aut adoratur in parietibus depingatur»

Перевод:

«Принято, чтобы живописи в церквах не было, и чтобы не служило предметом почитания и обожания то, что изображается на стенах.»

Епифаний Кипрский (Саламинский) (ок. 310–320–403) был епископом на Кипре в конце IV века. Он считается святым и Отцом Церкви как в Восточной Православной, так и в Католической церквях. Епифаний приобрел репутацию решительного защитника ортодоксии.

Свидетельство Епифания очень примечательно, так как он один из самых влиятельных отцов церкви его эпохи и выдающийся борец с ересями. В контексте древней церкви, Епифаний является самым выдающимся ересиологом. Иероним Стридонский, который был в близких отношениях с Епифанием, говорит о нем как о “последней частичке древнего благочестия”

Я буду цитировать отрывок из корпуса Иеронимовых писем (как выше сказано, он перевёл это письмо Епифания на латынь). Речь идёт о 51-ом [писЬме](#):

“Я слышал, что некоторые люди имеют на меня такую претензию: Когда я сопровождал вас в святое место, называемое Вефиль, чтобы присоединиться к вам в совершении молитвы после богослужения в церкви, я пришел в виллу, называемую Анаблата, и, проходя мимо, увидел там горящую лампу. Спросив, что это за место, и узнав, что это церковь, я вошел помолиться и обнаружил там занавес, висящий на дверях указанной церкви, раскрашенный и вышитый.

На нем было изображение либо Христа, либо одного из святых; я точно не помню, чье это было изображение. Увидев это и не желая, чтобы в церкви Христовой висел образ человека, противоречащий учению Священного Писания, я разорвал его и посоветовал зрителям использовать его как покрывало для какого-нибудь бедняка.

Однако они заропщили и сказали, что если я решил разорвать его, то справедливо будет дать им другой занавес на его место. Как только я услышал об этом, я пообещал, что подарю один, и сказал, что отправлю его немедленно. С тех пор произошла небольшая задержка, поскольку я искал занавес наилучшего качества, чтобы подарить им вместо прежнего, и посчитал правильным отправить за ним

на Кипр.

Теперь я отправил лучший из тех, что смог найти, и прошу вас приказать священнику взять занавес, который я отправил, из рук чтеца, и впоследствии дать указание, **чтобы занавеси другого рода — поскольку они противоречат нашей религии — не вешались ни в одной церкви Христовой**”

Августин Иппонийский (IV–V век) – знаменитый богослов, учитель церкви и святой (как в ПЦ, так и в РКЦ), критикуя язычников за почитание изображений, предвосхищает контраргумент язычника, связанный с наличием у христиан материальных святынь. Однако, вот, что он пишет в комментарии к 115-му псалму:

«Но им самим кажется, что у них более чистая религия, которые говорят: я не поклоняюсь ни идолу, ни дьяволу; но в телесном образе я вижу образ того, чему я обязан поклоняться.... Они осмеливаются ответить, что поклоняются не самим телам, а божествам, которые руководят ими. Таким образом, одно предложение апостола свидетельствует об их наказании и осуждении; которые, по его словам, превратили истину Божью в ложь и поклонялись творению и служили ему больше, чем Творцу, который благословен вовеки.

Ибо в первой части этого предложения он осудил идолов; во второй – отчет, который они дают о своих идолах: ибо, обозначая изображения, созданные ремесленниками, именами произведений Божьего творения, они превращают истину Божью во ложь; в то время как, рассматривая эти произведения как божества и поклоняясь им как таковым, они служат творению больше, чем Творцу, который благословен вовеки...

Но, как будет сказано, у нас также есть очень много инструментов и сосудов, изготовленных из материалов или металла подобного описания, для совершения таинств, которые, будучи освящены этими служениями, называются святыми в честь Того, кому таким образом поклоняются ради нашего спасения: а что же представляют собой эти самые инструменты или сосуды, как не дело рук человеческих? **Но есть ли у них уста, и все же они не говорят? Есть ли у них глаза, и они не видят? Молимся ли мы им, потому что через них мы молимся Богу?**

Это главная причина этого безумного богохульства, что фигура, напоминающая живого человека, которая побуждает людей поклоняться ей, оказывает большее влияние на умы этих несчастных людей, чем очевидный факт, что она не живая, так что живые должны презирать ее.»

Августин приводит для нас ответ язычника, который идентичен объяснениям православных о иконопочитании, и отвечает, что у христиан нет и не может быть подобных изображений в человеческом облике, которые, якобы, для того, чтобы через образы почитать первообраз.

Удивительно, но даже в V–VI веках, иконопочитание считалось греховным.

В частности, прославленный в лике святых епископ Рима **Григорий Великий** **придерживался точь-в-точь** той же позиции, которую я описал изначально. В письме к Серену Марсельскому он отмечает, что хотя и Серен поступил неправильно, разрушив изображения, тем не менее был абсолютно прав в том, что не разрешил иконам поклоняться.

Тут [пост](#) Петра Пашкова (православного кандидата богословия), в котором признаётся, что Григорий скорее исповедовал “про-каролингское/франкское” богословие икон и что происходящее в православных храмах (что постановлено на соборе Ирины) для Григория является грехом (я ещё вернусь к Григорию Великому, рассматривая более подробно его позицию).

В связи с таким огромным количеством свидетельств, которые я привёл, у православного читателя может возникнуть вопрос: а нет ли однобокости в подходе? Разве нет и обратных свидетельств, которые тоже можно было бы приводить?

И я должен расстроить таких православных, потому что единственным честным и точным ответом является – нет!

Представьте, что по какому-то богословскому вопросу есть только 20 высказывающихся авторов, из которых 16 говорят одно, а 4 другое.

Думаю, и в этом случае, мы могли бы абсолютно точно сказать, что есть подавляющий консенсус в пользу одной из позиций. В случае же иконопочитания, если мы рассматриваем первые три века, у нас нет даже одного, повторяю, одного единственного (!) автора, кто выступал бы в защиту почитания икон. Тут не просто консенсус, и не просто подавляющий консенсус, а буквально тотальный консенсус! Это согласие вообще всех свидетельств, без единого исключения!

В связи с этим, прокомментирую одно возможное возражение. Нередко, как раз ради этого одного единственного исключения, православные приводят высказывание из русского перевода трактата “О Воскресении” Мефодия Патарского.

Речь идёт о следующем:

Так изображения здешних царей почитаются всеми, хотя бы они были сделаны и не из весьма драгоценных веществ – золота или серебра. Люди, уважая (эти изображения), сделанные из весьма драгоценного вещества, не презирают однако и сделанных из не драгоценного, но почитают всякие на земле, хотя бы они были из

гипса или меди. И кто осмелился хулить какое-нибудь из них, тот не отпускается, как хуливший грязь, и не судится, как унижавший золото, но как нечестиво поступивший против Самого Царя и Владыки. И устрояемые из золота изображения Ангелов Его (Бога), Начал и Властей, мы устроаем в Его честь и славу

Это из перевода Евграфа Ловягина, сделанный в начале 20-го века, на основе старого критического издания Жака Поль Миня.

Проблема, отчасти, в том, что фрагмент не встречается ни в одной из рукописей (ни греческих, ни славянских, ни других сохранившихся), кроме одной единственной *“De Orationes de imaginibus III, 138”* Дамаскина.

И, хотя в целом фрагмент признаётся аутентичным, конкретно в части с “изображениями ангелов” есть проблема. В отличие от этого устаревшего перевода Ловягина, в современных переводах трактата Мефодия фрагмент выглядит примерно следующим образом:

Так изображения здешних царей почитаются всеми, хотя бы они были сделаны и не из весьма драгоценных веществ – золота или серебра. Люди, уважая (эти изображения), сделанные из весьма драгоценного вещества, не презирают, однако и сделанных из не драгоценного, но почитают всякие на земле, хотя бы они были из гипса или меди. И кто осмелился хулить какое-нибудь из них, тот не отпускается, как хуливший грязь, и не судится, как унижавший золото, но как нечестиво поступивший против Самого Царя и Владыки.

Действительно, мы считаем «золотыми изображениями» Его ангелов, а также Господства и Силы, которые предназначены к Его чести и славе [...]. «Я думаю, что у Бога есть Свои изображения, сделанные словно из золота, то есть из более чистой духовной субстанции, как ангелы [...] (как говорит Давид: «Тот, Кто делает ангелами Своими духов и слугами Своими – сверкающий огонь»), а затем у Него есть те, что сделаны из глины или меди, то есть мы («Бог взял», – говорит он, – прах с земли и создал человека) / ведь к телу, происходящему из земли, Он присоединил душу, сотворённую по образу Божию).

Как можно заметить, такое чтение радикально отличается от того, что имеется в переводе Ловягина. Мефодий не говорит о «создании» изображений ангелов во славу Божию, а вместо этого он считает ангелов изображениями Бога, сделанными Богом из золота (“более чистой духовной субстанции”), в то время как людей — Его изображениями, сделанными из глины или меди. Текст не имеет никакого отношения к иконоделию и, особенно, к почитанию икон!

Почему же современные переводы выглядят именно так?

Потому что признано, что в старом критическом издании Миня высказывание Мефодия Олимпийского передано в искажённом виде.

Современные переводы делаются согласно изданию Н. Бонвеча (*De resurrectione* 2.24, GCS 27:379) — критическое издание текста Мефодия, в котором данное высказывание реконструировано так, как я привёл выше.

Поэтому да, даже этот один-единственный “proof text”, не является свидетельством в пользу иконодулии.

Таким образом, можно с академической точностью констатировать, что существует тотальный консенсус в до-Никейской Церкви, против религиозного почитания изображений.

Распространенный ответ в православной апологетике

Итак, выше мы увидели неоднократно повторяющиеся и острые выпады со стороны раннехристианских апологетов и богословов против почитания образов. Как же объясняется всё это в православной апологетической литературе?

Единственный ответ (и то, что встречается почти повсеместно) – это то, что ранние христиане осуждали исключительно языческое поклонение иконам, никак не христианское!

Что ж, я думаю любой беспристрастный читатель этих раннехристианских сочинений, если будет читать в контексте и вдумчиво, согласится, что у ранних авторов речь идёт про почитание образов вообще. Что, в принципе, нельзя через иконы поклониться Богу (я ниже приведу и подборку отрывков от многих исследователей, которые понимают раннехристианские тексты именно так).

Но давайте разберём, почему же такая реплика от православных является по сути искажением мысли ранних христиан.

Как пример я обращусь к самой первой цитате, которую я привёл. Согласно контексту, язычник видит христиан “тайным обществом”, людьми, у которых есть что скрывать. Линия мысли полемиста-язычника примерно такая: *“Если это не так, то почему бы им не показать в чём состоит их религиозный культ? Где храмы? Где образы по отношению, к которым должно быть религиозное поклонение? Куда они дели свои алтари?”*. Ниже отрывок из самого текста:

Язычник восклицает:

«Почему у них нет ни алтарей, ни храмов, ни признанных образов?»

Казалось бы, сейчас последует ответ христианина, где будет сказано, что у христиан всё это есть и что во всём этом нет никаких проблем, просто язычник дезинформирован. Но вот что пишет христианский апологет:

“Думаете ли вы, что мы скрываем предмет нашего богочтения, если не имеем ни храмов, ни жертвенников? Какое изображение Бога я сделаю, когда сам человек правильно рассматриваемый, есть образ Божий? Какой храм Ему построю, когда весь этот мир, созданный Его могуществом, не может вместить Его? И если я

человек люблю жить просторно, то как заключу в одном небольшом здании столь великое Существо.

Не лучше ли содержать его в нашем уме, святить Его в глубине нашего сердца? Стану ли я приносить Господу жертвы и дары, которые Он произвел для моей же пользы, чтобы подвергать Ему Его собственный дар? Это было бы неблагодарно, напротив удобная Ему жертва доброе сердце, чистый ум и незапятнанная совесть. Посему, кто чтит невинность, тот молится Господу; кто уважает правду, тот приносит жертву Богу; кто удерживается от обмана, тот умилоствует Бога; кто избавляет ближнего от опасности, тот закаляет самую лучшую жертву. Таковы наши жертвы, таковы святилища Богу”

Христианин не просто молчаливо принимает мнение язычника, что у христиан всего этого нет, но и это преподносит как преимущество христианства!

Для него укоренённость во всех этих материальных вещах (такие как храмы и религиозные культовые изображения) является скорее свидетельством ложности и примитивности религии, а в христианстве, как он сам преподносит – всё духовно. Образом Бога является сам человек, храмом для Него – разум и душа благочестивых верующих, самая лучшая жертва – это посвященность Богу.

И ведь действительно, в такой парадигме зачем вообще иметь храмы? Зачем культовые образы?

Для чего алтари, если вся концепция жертв в христианстве – сводится к “духовным жертвоприношениям”?

Православный апологет, пытаясь преподнести всё так, будто здесь порицание исключительно языческих икон и храмов, очень грубо искажает контекст и саму позицию Минуция Феликса. Марк Минуций приводит не ограничительное возражение (которое охватывало бы лишь то, что есть у язычников), а универсальное, насколько это вообще возможно.

От его слов “шатаются” сами основы любого религиозного “благочестия”, которое выражается в материальных святынях. Это не слова человека, который посещает храм в каждый воскресный день и лобызает иконы (или, кто хотя бы лояльно относился бы к этому).

И, обратите внимание, для раннехристианского апологета отсутствие этих вещей в христианстве является свидетельством возвышенности/совершенства христианства.

*(конечно же, данный раннехристианский апологет, соглашаясь, что у христиан нет храмов, имеет в виду не любое здание, где собираются, а сходное с языческим и православным представлением место, которое является **сакральным пространством**, местом, где **особым образом обитает Бог**, с “иконостасом” и прочим).*

Таким образом, можно заметить, что если беспристрастно читать текст, просто с желанием понять позицию самого автора (а не “навязать ему” свою точку зрения), не получится преподнести так, как будто Марк Минуций Феликс одобряет храмы,

алтари и иконы, лишь бы они были не у язычников. Это просто поверхностное и апологетически-мотивированное чтение (*сам контекст речи Минуция Феликса в том, что он пытается защищать христиан от клейма “тайного общества” из-за отсутствия у них материальных святынь*)

Можно было бы разобрать и остальные цитаты, но я предпочитаю сразу перейти к объяснению ключевой ошибки православных апологетов в подходе к этим текстам.

Ключевая ошибка православных апологетов

Комментируя аниконические пассажи ранних богословов и Отцов Церкви, православные апологеты правы в одном: эти высказывания действительно звучали в контексте полемики с язычеством.

Однако на этом их правота заканчивается.

Дальнейший вывод — от факта *«это написано в контексте полемики с язычниками»* к утверждению *«следовательно, здесь порицаются исключительно языческие практики»* — ошибочен. Это классическая логическая ошибка *non sequitur* (вывод не следует из предпосылки).

Наглядная аналогия

Представим, что вы — православный христианин. Представим также, что существует почитаемый Церковью святой, преподобный Андроник.

Святой Андроник был современником Гитлера и жёстко обличал Гитлера, нацизм: критиковал фашистскую идеологию, расизм и бесчеловечное отношение к еврейскому народу. Эдакий Дитрих Бонхёффер с востока (и вот получилось так, что Андроника канонизировали). В его трудах встречаются следующие тезисы:

- *«Недопустимо ставить свою нацию в онтологическом или нравственном отношении выше других»;*
- *«Рабство, всякое пренебрежение/унизительное отношение к человеку конфликтуют с Божественным замыслом, ибо человек наделён достоинством от Самóго Бога»;*
- *«Ужасная бесчеловечность и попираание Бога в собственной совести — уничтожать целый народ, сжигая людей в печах как дрова...»;*
- *«Больной рассудок Гитлера не видит, что это противоречит самой человеческой природе, ставить ближнего или целую нацию ниже себя»;*
- *«Любое убийство есть грех».*

Вернёмся в наш век. Представьте, что в некоторых приходах формируется странное движение «православных фашистов». По их идеологии все неправославные — второсортные люди (за исключением, допустим, евреев — как народа, который имел особую роль в замысле Бога). К остальным они считают допустимым относиться как к животным: поработать или уничтожить.

Вы вступаете в дискуссию с представителем этого движения:

Вы: *«Как вы можете быть фашистами и при этом православными? У нас есть святой Андроник, который яростно обличал фашизм и учил о равенстве всех людей!»*

Православный фашист: *«Вы просто вырываете его слова из контекста! Почитайте исторические справки. Он писал это не нам, а Гитлеру — конкретному богопротивнику».*

Вы: *«Но он же говорит о фашизме! О том, что нельзя принижать человеческое достоинство!»*

Православный фашист: *«Вы, похоже, демагог? Читайте внимательно нашего святого, он ни слова не говорит про наш фашизм, а обличает конкретно идеологию Гитлера. Святой Андроник против конкретных форм фашизма, то есть против того, чтобы свою нацию ставили выше, но мы считаем всех второсортными не по национальному признаку, а по тому, что они не православные. Святой также говорит, что это ужасно сжигать в печи живых существ как дрова, и мы с этим тоже согласны. Мы не призываем именно к такой казни, но наш святой не обличает другие формы казни. Так что согласно нашей идеологии православного фашизма, можно не сжигать, а просто топить их в океанах или хоронить под землю, чтобы сдохли.*

Преступление Гитлера также было в том, что он вредил народу, который имел особую роль в замысле Бога, а согласно нам, православным фашистам, к евреям нельзя так относиться (в отличие от других народов). Так что у Андроника нет ни единого возражения против нашей идеологии. Его критика подлинного православия не касается!».

Убедил бы вас такой ответ? Наверное, нет?

Разве не возникает закономерный вопрос: если Андроник выступал лишь против отдельных форм фашизма (и/или нацизма), почему его возражения настолько фундаментальны? Почему выстроены на универсальных категориях — таких как «человеческая природа», «замысел Бога» и «любое убийство»?

Почему он выдвигает аргументы, подрывающие **любую** идею человеческого неравноправия?

Отсюда мы приходим к принципиальному выводу:

Дело не столько в том, К КОМУ обращён текст, сколько в том, НА КАКИХ ОСНОВАНИЯХ выстроено опровержение

Именно в игнорировании данного принципа и кроется фундаментальная ошибочность православно-апологетических трактовок раннехристианских текстов.

Да, ранние апологеты писали против язычников. Но аргументы, которые они приводили, носят **универсальный характер** и бьют по идее иконопочитания в принципе.

Примеры тезисов ранних христиан:

- *«Если вы верите, что статуи и иконы — это не сами боги, а лишь образы Первообраза, то почему не откажетесь от материальных предметов и не станете молиться напрямую Первообразу?»*
- *«Вера в то, что человек способен своими руками сотворить образ столь великого Существа — смехотворна».*
- *«Попытка поклоняться Невидимому через видимое есть унижение Бога. У нас только поклонение умом».*
- *«Где есть изображения — там нет истинного поклонения».*

С точки зрения современной православной догматики эти тезисы не просто избыточны — они **контрпродуктивны**. Зачем выдвигать аргументы, разрушающие концепцию образа вообще, если проблема язычников была лишь в том, что их боги — ложные?

Если бы православный апологет VIII или XXI века дискутировал с язычником III века, его аргумент звучал бы совсем иначе:

«Вы молодцы, что понимаете: материя — не Бог, и через видимое вы чтите невидимое. Вы очень близки к нам! Единственная проблема — ваши первообразы ложны (это демоны). Замените их на истинного Бога и святых — и всё будет правильно!»

Но ранние апологеты этого не говорят. Они утверждают, что **сама попытка чтить Бога через изображения недопустима**, а истинное поклонение совершается исключительно в уме.

Именно поэтому попытки православной апологетики списать всё на «языческий контекст» не убеждают патрологов и историков (включая православных и католических) — точно так же, как логика «православного фашиста» не убедила

бы вас.

(В следующем разделе будет наглядно продемонстрировано, что данный взгляд на раннехристианских авторов является мейнстримным в академическом мире).

Резюмируя информацию в отношении до-Никейского периода, можно сказать следующее:

Христианские богословы и апологеты II–IV веков (Минуций Феликс, Климент Александрийский, Ориген Адамантий, Арнобий Старший и др.) единодушно отвергали культовые изображения. Их аргумент прост: вездесущий Бог не нуждается в материальных посредниках, а попытка чтить Его через рукотворные образы унижает Его величие. Лактанций добавляет: если Бог всегда рядом, то образ излишен так же, как портрет отсутствующего друга, когда друг вернулся.

Мы ясно видим, что ранние христиане считали храмы, алтари и культовые изображения языческой атрибутикой *(некоторые ссылаются на слово “алтарь” в ранних документах, как нечто христианское, но чаще всего, как отмечается в научных комментариях к таким текстам, слово “алтарь” использовано в аллегорическом смысле, как, например, у Игнатия Антиохийского).*

Я не привел все свидетельства (их ещё больше) но то, что я привел, позволяет заключить, что это практически тотальное единогласие (консенсус) среди раннехристианских учителей, апологетов и богословов.

Методологическое уточнение

В отношении связи, в моём исследовании, исторической части с богословским выводом (об идолопоклонстве), хотелось бы специально обговорить следующее:

Богословский вывод данного исследования строится не на том, что *“в истории обнаруживается, что это поздняя практика”*, следовательно *“это идолопоклонство”* (это было бы логической ошибкой).

Скорее, и экзегетическая часть моей работы и патристические свидетельства (то, что в целом мы узнаём из истории Церкви) призваны обосновать определённое чтение Священного Писания, определённое восприятие Божьего Откровения, а уже такое восприятие (основанное как на экзегетике, так и на истории), в свою очередь, опровергает православный подход, выступает за незаконность практики почитания икон.

Пять ключевых свидетельств

Во всей этой подборке цитат, которую я привёл выше, ради концентрации внимания, я хотел бы отдельно акцентировать внимание на пяти ключевых свидетельствах. Их ценность не сводится к частному мнению того или иного святого или богослова, ввиду того, что они скорее описывают реалии практики и веры Церкви эпохи, вместо просто выражения богословом своего мнения. Каждое из них — даже взятое изолированно — самостоятельно и убедительно доказывает мою позицию.

1. Свидетельство Оригена Александрийского

Языческий философ Цельс обвиняет христиан в том, что они не выражают свою веру в искусстве, не имеют храмов и пышных обрядов. В ответ на это Ориген — апологет и один из выдающихся богословов ранней Церкви — по существу соглашается с фактической стороной обвинения. Вместо того чтобы опровергать оппонента, он признаёт: да, христиане действительно отвергают храмы, алтари и изображения. Однако, по его словам, это не недостаток, а свидетельство возвышенности христианской религии, которая преодолела примитивные религиозные «привычки» и привязанность к материи. Ориген идёт так далеко, что утверждает: христиане готовы принять смерть, но не согласятся почитать Бога через рукотворные образы.

В соответствии с написанным выше, богословский (или же “канонический”, или же “догматический”) статус автора, опять же, здесь не имеет значения; важна ценность как исторического источника/свидетельства, фиксирующего реальное положение дел в Церкви. Так что неважно, как вы относитесь к авторитету или значимости Оригена. Имеет значение лишь то, как он описывает практику Церкви и как эту практику видят сами язычники. Слова Оригена — это надёжное историческое свидетельство, помимо его богословского мнения.

2. Свидетельство Испанского епископата (Эльвирский собор, ок. 306 г.)

В начале IV века в Испании состоялся Эльвирский собор, в котором участвовал выдающийся епископ Осий Кордубский. Отцы собора приняли 36-е правило:

«Placuit picturas in ecclesias esse non debere, nequod colitur aut adoratur in parietibus depingatur.»

«Принято, чтобы живописи в церквях не было, и чтобы не служило предметом почитания и обожания то, что изображается на стенах»

Православный историк А. Карташёв, в научной публикации “Вселенские Соборы”, комментирует это постановление так:

*“Это постановление против икон пытались истолковать в смысле предохранения икон то от кощунств гонителей христианства и разрушителей храмов, то от карикатуристов и насмешников из иудеев и язычников. Но ведь **мотив** канона совсем не тот, а явно иконоборческий. Поэтому теперь принято объяснять это постановление прямой борьбой с ложным иконопоклонением, т. е. с языческими крайностями, вторжения которых в христианскую среду испугались отцы собора. Следовательно, уже с самого начала была чисто внутренняя и церковная дисциплинарная борьба с иконопоклонением.”*

Ценность этого свидетельства в том, что испанские епископы выступили с принципиальной позицией против живописи в церквях — очевидно, имея в виду не символические/нарративные образы, а именно те изображения, которые могли стать объектом культа.

Попытки объяснить это постановление «спецификой испанского христианства» несостоятельны.

Во-первых, такое объяснение произвольно. Нужно было бы показать, почему именно испанский епископат придерживался столь радикального взгляда, в то время как вся остальная Церковь его не разделяла. Без такого обоснования это — типичное *ad hoc*.

Во-вторых, среди участников собора был Осий Кордубский — личность, которую трудно переоценить. Он был широко эрудирован, пользовался огромным уважением и впоследствии председательствовал на Первом Никейском соборе. Если бы Осий и его коллеги исповедовали убеждение, чуждое всей Церкви, это неизбежно привело бы к конфликту. Но ничего подобного мы не наблюдаем.

Таким образом, данный собор в Гранаде является веским свидетельством в пользу того, что христианское учительство рассматривало поклонение материальным образам как грех идолопоклонства (если не идолопоклонство в собственном смысле, то, по крайней мере, в производном смысле).

3. Свидетельство Евсевия Кесарийского

Евсевий Памфил был чуть ли не в шоке от осознания, насколько вопиюще неправильной является просьба сестры императора (про икону Христа). Он заявляет, что подобное является неслыханным в Церкви и было бы вопиющим нарушением и Церковного подхода, и заповедей Бога.

Православный учёный Г. Флоровский комментируя это пишет:

“Она попросила Евсевия прислать ей «образ Христа». Он был поражен. Что за образ она имела в виду? Он также не мог понять, зачем ей это нужно. Был ли это истинный и неизменный образ, который сам по себе обладал бы характером Христа? Или это был образ, который Он принял, когда ради нас принял облик раба? Первый, как замечает Евсевий, очевидно, недоступен человеку; только Отец знает Сына... Никакое изображение этой новой «формы» немыслимо, если «эту обожествленную и постижимую субстанцию» ещё можно назвать «формой». Мы не можем следовать примеру языческих художников, которые изображали то, что невозможно изобразить, и чьи картины, следовательно, лишены подлинного сходства. Таким образом, единственным доступным изображением было бы лишь изображение в состоянии унижения. Однако все подобные изображения формально запрещены Законом, и ни одно из них не известно в церквях. Иметь такие изображения означало бы следовать путем идолопоклонников-язычников. Мы, христиане, признаём Христа Господом и Богом и готовимся созерцать Его как Бога в чистоте наших сердец...”

- “Origen, Eusebius and the Iconoclastic Controversy”

Важно подчеркнуть: Евсевий имел доступ к множеству раннехристианских документов, которые до нас не дошли. Он был хорошо знаком с практикой Церкви по всему миру. И этот человек уверяет, что аниконизм является твёрдой и незыблемой позицией Церкви, а просьба Констанции находится «за гранью» допустимого.

4. Свидетельство Епифания – Иеронима, и Августина Иппонийского

Я объединяю эти три имени, поскольку они представляют совместное свидетельство восточной и западной традиций IV–V веков.

Епифания и Иеронима я объединил, так как именно Иероним перевёл, по просьбе Епифания, его иконоборческое письмо на латинский язык из греческого (учитывая близкие отношения с Иеронимом и благосклонность Иеронима к данному письму, я назову это письмо свидетельством аниконизма Епифания-Иеронима).

Августина же включил в этот раздел, так как он принадлежит к той же эпохе и тоже комментирует вопрос почитания икон. Таким образом, здесь совместное свидетельство выдающихся церковных деятелей IV–V века.

Выше я уже ссылался на отрывок от Епифания, где он обличает за то, что нарисовали Христа или кого-то из святых. Решил добавить другой отрывок из его “Завещания”:

“Будьте внимательны к себе самим и твердо держитесь преданий, которые вы приняли; не уклоняйтесь ни направо, ни налево ...И среди того, что относится к этому, помните, возлюбленные дети, что не следует помещать иконы ни в храмах, ни в усыпальницах, где погребены святые, но всегда содержите Бога в ваших сердцах, храня память о Нем; не помещайте также иконы и в общих домах. Ведь христианину непозволительно быть увлекаемым глазами и блужданиями ума; поэтому то, что имеет отношение к Богу, пусть будет у всех вас написано и отображено внутри в сердцах”.

Августин Иппонийский же пишет в одной из своих книг:

“Пусть не будет нашей религией и почитание произведений человеческих. Гораздо лучше сами художники, создающие подобные произведения, и все же мы их не должны чтить”

- Об истинной религии, глава 55

В комментарии к 115-му псалму (который я привёл выше) Августин приводит аргумент язычника, который говорит примерно так: «мы чтим не сами материальные образы, а тех, в честь кого они созданы». И отвечает на это, что в христианской Церкви нет таких изображений, через которые почитали бы Божество. Это надёжное свидетельство: нет оснований считать, что Августин обманывает читателя. Он описывает реальную практику Церкви, согласно которой неприемлемо чтить Бога через иконы.

Итак, в IV–V веках мы имеем согласованные свидетельства и с Востока (Евсевий, Епифаний), и с Запада (Иероним, Августин). Все они рассматривают иконопочитание как идолопоклонство и утверждают отсутствие такой практики в Церкви. Даже в пост-Константиновский период, когда язычество “хлынуло” в Церковь, она сохраняет первоначальный аниконический импульс.

5. Свидетельство Григория Великого (VI век)

Григорий Великий, епископ Рима и прославленный святой, в письмах к Серену Марсельскому выражает то же самое богословие, которое позднее было выражено каролингскими богословами в восьмом веке и было закреплено на Парижском соборе в девятом веке (оба эти собора осудили второй Никейский собор за то, что было введено религиозное почитание икон). Григорий Великий держится мысли, что изображения существуют в церкви для назидания невежественных умов, что это “Библия для неграмотных”.

Таким образом, можно отметить, что даже в шестом веке, когда святой Серен Марсельский, не сумев стерпеть идолопоклонство, начал уничтожать иконы, Григорий Великий похвалил его за ревность к чистоте веры, за запрет почитания изображений. Григорий упрекает Серена лишь за столь радикальную реакцию, за уничтожение изображений, говоря, что, хотя и недопустимо, чтобы эти изображения были религиозно почитаемы, они могут быть полезны для

неграмотных людей.

Получается, даже епископ Рима в шестом веке считает, что в иконах не было бы смысла, если бы все люди были грамотными.

Ниже я приведу отрывки из его двух писем, направленных к Серену Марсельскому. В них видны благоразумные советы от Григория и проявление пастырского попечения, забота о пастве, которую, видимо, Серен смутил своей слишком резкой реакцией:

*... до нас дошла информация о том, что ваше Братство, увидев некоторых почитателей изображений, разбило и разрушило эти изображения в церквях. **И мы, безусловно, хвалим вас за ваше рвение против того, чтобы всё, что сделано руками, становилось объектом поклонения;** но мы предупреждаем вас, что вы не должны были разбивать эти изображения. Ибо изобразительные образы используются в церквях именно для того, чтобы те, кто не владеет письменностью, могли хотя бы прочитать, глядя на стены, то, чего они не могут прочитать в книгах. Поэтому ваше Братство должно было бы как сохранить изображения, так и запретить людям поклоняться им, чтобы те, кто не владеет письменностью, могли получить знания об истории, и **чтобы люди никоим образом не согрешили, поклоняясь изобразительным образам.***

- *Registrum Epistolarum liber IX, ep. 105, ad Serenum*

В другом письме Серену, которое он написал позднее, Григорий предлагает Серену и увещевает быть более нежным с такими “примитивными умами”. Он высказывается так (перевод православного богослова П. Пашкова):

*... действительно, **мы всячески одобряем, что ты запретил им поклоняться;** однако порицаем тебя за то, что ты их уничтожал. Скажи, брат, слышано ли, чтобы когда-нибудь кто-то из священников делал то, что совершил ты?... Ведь одно дело поклоняться изображению, а другое — через то повествование, которое изображено, научиться, чему следует поклоняться. Ведь что являет писание читающим, то изображение показывает смотрящим на него простецам.*

На картине и невежды видят, чему должно следовать, при помощи картины и неграмотные читают. Поэтому картина заменяет чтение (для язычников — особенно). Поскольку ты живешь среди язычников, тебе особенно следовало на это обратить внимание, чтобы не вызвать смущения в примитивных умах, неосторожно загоревшись справедливой ревностью.

*Итак, не следовало уничтожать то, что было **установлено в церквях не для поклонения, а для наставления невежественных умов...** теперь, когда ты в этом деле неосторожно последовал своим стремлениям, ты, как говорят, настолько смутил твоих чад, что большая часть их прекратила с тобой общение.*

Так, когда же ты начнешь приводить в овчарню Господню заблудших овец, если ты не смог удержать и тех, которые у тебя были?...

Дело в том, что рассеянных чад Церкви следует собирать и показывать свидетельствами Священного Писания, что нельзя поклоняться ничему, что сделано руками, поскольку написано: Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи (Лк. 4, 8). А затем следует добавлять, что ты видел, как с картинами, которые были созданы для укрепления невежественного народа, чтобы люди, даже не зная грамоты, понимали, что происходит, рассматривая саму историю, дело дошло до поклонения. Это и заставило тебя предписать, чтобы они были уничтожены.

Ещё тебе следует им сказать: если вы для того самого наставления, для которого картины изображались в древности, хотите иметь их в церкви, я, разумеется, позволяю их создавать, и хранить. Обрати их внимание на то, что не само по себе рассматривание какой-нибудь истории, которая выставлена благодаря картине на всеобщее обозрение, было тебе неприятно, а то поклонение, которое незаслуженно совершалось в отношении этих картин.

Смягчая их расположение такими речами, призови их к согласию с тобой. И если кто захочет изготавливать изображения, ни в коем случае не воспрещай, но **всеми способами не позволяй, чтобы изображениям поклонялись...**

Мы все это говорим с любовью к святой Церкви и к твоему братству. Так что пускай из-за моих замечаний не пошатнется твоя ревность к должному, но укрепится стремление к благочестивому образу правления.

- *Registrum Epistolarum liber XI, ep. 13, ad Serenum // PL. 77. Col. 1128-1130*

Свидетельство Григория особенно важно, поскольку относится к позднему периоду. Если даже тогда исповедовали учение, которое я отстаиваю, то это само по себе делает исторически несостоятельным утверждение, что иконодулия была принята в ранней Церкви. Если бы это было апостольским преданием, у Церкви было бы более чем достаточно времени (около пяти столетий), чтобы его осознать и закрепить. Тем более что огосударствление христианства, влияние язычников и внутренняя динамика — всё это скорее способствовало бы распространению культа изображений. Однако мы видим обратное: Григорий Великий категорически против иконопочитания. А ведь его время — это уже преддверие Второго Никейского собора!

*[Некоторые апологеты ссылаются на пассаж из письма к Секундину, где говорится про почитание икон в положительном ключе, однако, как отмечают исследователи, это поздняя интерполяция от иконопочитателей (даже в критическом издании середины 20-го века, это было отмечено. См. **Gregorii I papae Registrum epistolarum / ediderunt Paulus Ewald et Ludovicus M. Hartmann, cnp.***

143). Среди прочего, этот отрывок входит в конфликт со взглядом Григория Великого, который изложен в подлинных письмах приведённых выше].

Ранее я уже ссылался на пост православного кандидата богословия Петра Пашкова, но решил также приложить некоторые комментарии от, преимущественно, православных исследователей (о взгляде Григория Великого):

Протоиерей Валентин Асмус – патролог и византолог, пишет:

В латинской Церкви было распространено минимализированное представление об иконе, признававшее ее психологическое и педагогическое значение и не видевшее ее онтологического и «анагогически» («возводительно») мистического смысла. В 600 году **святитель Григорий Двоеслов**, Папа Римский (называемый на Западе Великим), узнав, что Марсельский епископ Серен разбил иконы, писал ему: «...воспламененный неразумной ревностью, ты разбил изображения святых, как бы извиняя себя тем, что они не должны почитаться [как Бог — *adorandi*]. И хотя мы вполне похвалили то, что ты запретил почитать, за разбитие мы упрекнули...»

- Статья “Иконоборчество” из «Журнал Московской Патриархии» (№ 3, 2026)

А. Фокин - российский религиовед, богослов, патролог и переводчик:

...в обосновании иконопочитания у Григория Великого выходит на передний план не догматические предпосылки, а дидактический аспект: иконы для неграмотных суть то же, что Свящ. Писание для грамотных, они напоминают о Христе.

- “ГРИГОРИЙ I ВЕЛИКИЙ”, статья из ПЭ

Г. Острогорский - один из самых авторитетных историков-византинистов XX века:

... позиция Карла не совпадала и с подлинными установками Никейского Собора, пересекаясь, скорее, со старыми **воззрениями Григория Великого**, который подобным образом отвергал **как уничтожение, так и почитание священных изображений**.

- История Византийского государства, 3.5

А. Концев - магистр богословия, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии:

...мы можем заключить, что в период византийского иконоборчества была четко сформулирована позиция Запада касательно образов, в которой на основании

мнения Григория Великого *иконам отводились декоративная, мемористическая и педагогическая функции.*

- Богословие иконы на Западе, во время Византийского иконоборчества и в дальнейший период

А. Григорян – православный религиовед:

...анафемы [Второго Никейского] Собора формально можно отнести и к св. папе Григорию Двоеслову, который в письмах к еп. Серену Марсельскому, допускал наличие икон в церквях для назидания неграмотных, а с другой стороны *запрещал любое их поклонение.*

- <https://avgrigor.livejournal.com/31694.html>

А. Безансон – французский историк философии:

... [в письме к Серениусу] *опровергается* таким образом, как иконоборческая идея разрушения, *так и иконофильская идея поклонения: таков «умеренный путь разумного направления», предложенный франкской церковью...* [папа Николай II] *пошел дальше григорианской традиции.* Он заявил, что с помощью цветов живописи человек поднимается до созерцания Христа...

- Запретный образ: интеллектуальная история иконоборчества, стр. 166-167

Итак, выше я привел 5 ключевых свидетельств. Каждое свидетельство, даже само по себе, достаточно, чтобы установить историчность моей позиции. Все же эти 5 свидетельств, вместе взятые, как я вижу, не оставляют даже малейшего пространства, для приписывания Ранней Церкви иконодулии!

Дабы окончательно развеять сомнения (некоторые скажут: всё это могут быть “просто протестантскими интерпретациями”) – обратимся к миру исследователей: к патрологам, искусствоведам, историкам и религиоведам.

Историография и консенсус учёных

В данном разделе я приведу отрывки/выдержки преимущественно из научной литературы, буду ссылаться на специалистов.

Считаю, что я достаточно аргументированно представил свою позицию, но, на случай, если кто-то, даже несмотря на это, скажет *“это просто твои интерпретации веры ранних христиан”*, решил включить и такой раздел, в котором я буду демонстрировать, что то, о чём я говорю, говорят и учёные, причём вне зависимости от конфессиональной принадлежности (моя позиция является консенсусом среди исследователей. Стандартом академического мира).

Хотелось бы начать раздел с косвенных исторических свидетельств об аниконическом характере раннехристианского благочестия/богопочитания.

Для начала, весьма любопытным является тот факт, что из раннехристианской литературы мы точно знаем, что язычники и еретики почитали иконы (в частности Иринеи Лионский пишет о еретиках-карпократианах), но при этом нет ни одного свидетельства того, что христианская Церковь почитала иконы. Разве это само по себе не удивительно?

Я думаю, что уже этот факт является косвенным свидетельством в пользу моей позиции (*еретики-карпократиане были гораздо более ограниченным сообществом, маргинальным. И несмотря на то, что о них гораздо меньше информации нежели о церковных вероучительных положениях и практиках — мы точно знаем, что они почитали иконы. А вот насчёт церкви вообще нет таких свидетельств*).

Примечательно, что даже католический богослов Людвиг Отт был вынужден признать, что иконопочитание было чуждо раннему христианству.

Он признаёт, что это стало “частью церкви” только после огосударствления.

Цитата:

Эльвирский собор (ок. 306 г.) ещё запрещал выставлять в молитвенных домах изображения (кан. 36). Первоначальное предназначение изображений было назидательным. Их почитание (путём целования, коленопреклонения, возжигания свечей, каждения) развивалось прежде всего в греческой Церкви с V по VII вв.

- *The Fundamentals of Catholic Dogma*, 320-21

Очень часто православные и католики ссылаются на изобразительное искусство в римских катакомбах, или же ссылаются на здание Дура-Европос, но как я ранее разъяснил, здесь происходит логическая ошибка подмены понятий: иконография (если икона — это любое изображение) не тождественна иконодулии.

Христиане глазами иудеев и язычников

Даже не увидев и не прочитав ни единого сочинения раннего автора, мы можем предварительно иметь понимание раннехристианского отношения к образам, исходя из того, как сами иудеи и язычники воспринимали христиан.

В частности, кажется очевидным, что если бы у христиан в избытке были фигуративные изображения, а, тем более, если бы они поклонялись этим образам – была бы неизбежна критика в адрес последователей Христа.

Иудеи и так не питали симпатий к “новой секте”, а тут представился великолепный шанс доказать, что это не просто “сектантское сборище”, но и люди, потерявшие полностью страх Божий и впавшие в идолопоклонство! Ставшие заодно с язычниками. Именно такую критику, к слову, мы видим, когда почитание икон расцвело пышным цветом (*В VII веке епископу Неапольскому Леонтию пришлось отбиваться от полемических выпадов иудеев, из-за религиозного почитания икон*).

Но есть одна проблема! Такое обрушение с критикой на христиан со стороны иудеев, которое нам стоило бы ожидать (при условии, что ранние христиане были иконодулами) – не удаётся обнаружить в иудейских источниках (хотя критика в адрес Христа/христиан по другим вопросам присутствует).

С иудеями и с отсутствием их предполагаемой критики разобрались.

Как же относились язычники к почитанию образов? Вполне лояльно. Выше уже я привёл соответствующие отрывки, наглядно показывающие, что язычники верили, что честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу. И этим язычникам приходилось иметь дело с христианскими интеллектуалами, за то, что они почитали образы с идеей воздать честь первообразам. Христиане активно и горячо критиковали эту практику и эти объяснения язычников, приводя разные доводы.

Интересно, что в полемических сочинениях язычников видно, как сильно они стараются оправдать практику, объясняя это насколько возможно утончённо. В частности Порфирий, в трактате против христиан, выражает своё недоумение, отвечая христианам, что должно быть очевидно, что даже если человек делает портрет своего друга, он не верит, что конечности его друга заключаются в этом портрете, а скорее создает портрет в честь или в напоминание о друге.

Учитывая то, что язычникам-философам приходится “попотеть” в своих сочинениях против христиан, ради оправдания своих практик, напрашивается вопрос:

А зачем вообще апологетам-язычникам тратить свою энергию (будь то интеллектуальные ресурсы или какие-либо иные), чтобы философски изложить, аргументировать приемлемость своей практики, если им было достаточно просто указать, что они делают то же самое, что христиане?

Вот представьте диалог христианина и язычника:

Христианин:

- Вы язычники лишились разума! Поклоняетесь камням и дереву, творению вместо Творца!

Язычник:

- Пойдите, разве вы сами не поклоняетесь иконам? Будет ли правильно, если я скажу, что вы поклоняетесь просто доскам? А если нет, почему же вы христиане так лицемерны?

И это было бы вполне уместным ответом! И это было бы самым лёгким путём для язычника, защищать себя от обвинений в крайней глупости.

Но обратите внимание, что язычники просто “не видели” такой вариант взаимодействия с христианскими апологетами. Они прикладывали немало усилий, чтобы объяснить христианам, почему это не глупость, но они никогда не говорили “вы делаете то же самое!”

В связи с этим, очень примечательным является текст, датируемый четвёртым веком, где как раз описана полемика между христианином и язычником. Текст из сочинения древнего епископа Макария Магнезийского. Язычник противопоставляет христианину следующую речь:

...те, кто воздает богам должное, не думают, что Бог пребывает в дереве, камне или бронзе, из которых сделана статуя, и что, если часть статуи сломана, божественная сила уменьшается. В действительности, древние воздвигали деревянные статуи и храмы как памятники, чтобы проходящие мимо или входящие в них могли думать о Боге или, отдыхая там и очищаясь от всего остального, могли прибегать к молитвам и мольбам, прося о том, в чём нуждается каждый человек.

Ибо, если кто-то делает портрет друга, он вовсе не думает, что сам друг изображен на этом портрете, и не думает, что части тела друга заключены в части изображения, а хочет почитать своего друга через изображение. Жертвы, приносимые богам, не столько для почитания их, сколько раскрывают склонности тех, кто приносит жертву, и что к ним не следует относиться с

неблагодарностью.

Статуи, совершенно справедливо, имеют антропоморфную форму, поскольку человек считается самым прекрасным из живых существ и образом Божиим... Даже христиане, подражая строительству храмов, строят большие дома, в которых собираются для молитвы, тогда как ничто не мешает им делать это в своих собственных домах, поскольку Господь ясно слышит их повсюду

- Apocriticus of Macarius Magnes, Discourse 4.21.4-8

Если в IV веке христиане создавали и использовали изображения ангелов, святых, Иисуса или Марии в культовом ключе (почитая изображенные фигуры или молясь через них) — то есть именно те практики, которые защищает здесь образованный язычник, — мы ожидали бы, что язычник прямо выскажет это как аргумент, утверждая, что «даже христиане» делают то же самое. Весь контекст кричит об этом, и с уст язычника это прям напрашивается.

Однако он ничего подобного не говорит: он лишь указывает на то, что христиане, подражая язычникам в возведении храмов, строят очень большие дома.

В своём ответе, защищая христианское богослужение от ассимиляции с языческими обычаями, Макарий уточняет, что вместо создания изображений ангелов и молитв немым существам, христиане должны усердно подражать поведению и деяниям ангелов.

Думаю, даже одного этого соображения (*как христиане воспринимались иудеями и язычниками*) достаточно, чтобы мы уверенно сказали, что ранние христиане придерживались аниконической концепции богочитания.

Но, как ранее и обещал, ниже приведу выдержки, преимущественно от католических, православных и светских учёных — демонстрирующие враждебность ранних христиан к почитанию образов.

Историки, патрологи, искусствоведы об иконопочитании

Православный религиовед Артём Григорян в заметке [“Об отсутствии икон в доникийский период”](#) (там можно найти полезные аниконические пассажи из ранней эпохи) ссылается на любопытное свидетельство древнего историка. Вот отрывок в контексте:

“Согласно всем имеющимся историческим, патристическим и археологическим свидетельствам, **поклонение ранних христиан в доникийскую эпоху не сопровождалось почитанием священных образов**. Одним из часто упоминаемых подтверждений этого, служит свидетельство конца IV века н.э. из жизнеописания римского императора Александр Севера (208 – 235 гг. н.э.) в «Истории Августов»:

«Он [император Александр Север] хотел построить храм Христу и принять Его в число богов. Об этом, говорят, думал и Адриан [*годы правления 117-138], который приказал построить во всех городах храмы без изображений богов; они и поныне называются храмами Адриана, так как не имеют божества; он, говорят, с этой целью и построил храмы. Но этому воспротивились те, которые, справившись в священных изречениях, нашли, что, если он это сделает, все станут христианами и прочие храмы будут заброшены»”.

- Элий Лампридий. «Александр Север», § 43, по изданию: «Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана», Санкт-Петербург, 2001, с. 170.

А. Григорян дальше комментирует:

“...Очевидно, что отказ христиан от использования каких-либо изображений был широко известен римскому обществу. По сути, для греко-римской культуры он граничил с атеизмом...”

Иоганн Карл Людвиг Гизлер - церковный историк и богослов, пишет о доникийской эпохе:

“Все общины были независимы друг от друга, хотя некоторые пользовались особым уважением по сравнению с другими по разным причинам, например, из-за своего апостольского происхождения, важности города, к которому они принадлежали, или потому что они были материнскими церквями. Многие такие обстоятельства вместе способствовали тому, что Рим, особенно на Западе, приобрёл особое уважение уже в тот период, о котором мы говорим. Публичное богослужение было чрезвычайно простым. Не имея ни храмов, ни алтарей, ни

изображений, христиане собирались в специально отведённых для этой цели домах, а во времена гонений — в уединённых местах, иногда даже ночью, особенно в ночь перед Пасхой. Члены церкви приносили с собой добровольные пожертвования, из которых бралось необходимое для совершения Вечери Господней (евхаристии) и агапы, которая ещё обычно соединялась с ней”

- A Text-Book of Church History. Vol 1, стр. 160-61

А. П. Лебедев - православный церковный историк, византист, заслуженный профессор Московского университета

“Иконоупотребление развилось в церкви не вдруг, но постепенно. В первые три века христианства искусство делало ещё довольно нерешительные шаги в деле служения интересам религии.

Христиане для выражения своих идей довольствовались разнообразными символами, какими были для них изображения корабля, лиры, голубя, рыбы с христианским таким или другим наименованием. Только к концу первых трех веков христианское искусство от символических изображений перешло к типическим, т. е. таким, в которых чрез живописание человеческих фигур, преимущественно ветхозаветных праведников, делалось напоминание о важнейших событиях новозаветного домостроительства.

Что же касается до иконоупотребления в собственном смысле, т. е. изображения новозаветных и ветхозаветных лиц и событий и Основателя христианства прямо, без посредства символики, образности, то эпоха 4-го и 5-го веков есть время утверждения и распространения оногo”

- Иконоборчество и VII Вселенский Собор

Август Неандер - выдающийся немецкий церковный историк и лютеранский богослов XIX века:

“Использование изображений первоначально было чуждо богослужению и исключалось из христианских церквей; и в целом так продолжалось и в рассматриваемый период. Смешение религии и искусства в язычестве делало ранних христиан подозрительными по отношению к искусству”

- General history of the Christian religion and church, Vol 1. стр.

В. В. Бычков — специалист в области православной эстетики (историк эстетики):

Имея длительную ветхозаветную традицию борьбы с идолопоклонством и изображениями вообще, ранние христиане с большим воодушевлением выступают против все ещё живого и действенного античного искусства. Особенно активными в этом плане были Тертуллиан (ок. 155 – после 220) и Татиан Сириец (II в.). Посвятив критике идолопоклонства специальный трактат, Тертуллиан стремится показать, что «творцы статуй, образов и всяческого рода изображений» действуют по указке дьявола, а «основой идолопоклонства является всякое искусство (*ars omnis*), создающее каким-либо образом идолов».

Искусство скульптора, живописца, швеи, гравера, направленное на создание изображений, служит, по мнению Тертуллиана, идолопоклонству и всячески им порицается (*De idol.* 3). Более того, усматривая, что само слово «идол» восходит к древнегреческому εἶδος, которое он переводит как *forma*, и, соответственно, εἰδωλον – как уменьшительное, образовавшееся так же, как *formula* в латинском от *forma*, он полагает, что и «всякую форму или «формулу» необходимо считать идолом»...

С именами Тертуллиана, Татиана и других апологетов (греческих и латинских) тесно связан **первый этап христианского иконоборчества**. Выступая против изображения античных богов, апологеты даже в мыслях не допускали возможности культового изображения своего Бога.

- 2000 лет христианской культуры, стр. 48

Протоиерей А. Шмеман - один из самых влиятельных православных богословов и литургистов XX века пишет:

«Новые исследования показывают, что спор об иконах возник сначала в самой церкви и только затем уже в него властно вмешалась государственная власть...**Ранняя церковь не знала иконы в ее современном, догматическом значении**»

- Исторический путь Православия, стр. 260-261

прот. Иоанн Мейендорф - богослов, патролог, византист, церковный историк:

«Иконоборческий уклон мысли, который можно проследить вплоть до самых истоков раннего христианства, позднее был связан с оригенизмом. Ранние апологеты христианства воспринимали ветхозаветные запреты **на любое изображение Божие столь же буквально, как и евреи**»

- Византийское богословие, стр. 81

О том же самом пишет известный католический специалист Томас Ноубл:

“Важно подчеркнуть, что самые ранние христианские комментарии к изображениям встречаются в трудах апологетов, которые часто стремились убедить влиятельных языческих деятелей в том, что христианское богослужение достойно восхищения, поскольку оно носит духовный, то есть **аниконический характер**”

- Thomas F. X. Noble, *Images, Iconoclasm, and the Carolingians*, стр. 12

Протоиерей Г. Флоровский – историк церкви, патролог:

«Почитание икон установилось в церкви не сразу. В первые века, во всяком случае, оно не занимало заметного места в христианском благочестии. Даже у писателей IV века мы находим только редкие случайные упоминания о священных изображениях, и то были библейские эпизоды либо изображения мученических подвигов. **В древнейших известных нам росписях нет "икон" в собственном смысле слова**. Отчасти то были символические знаки (якорь, голубь, рыба) и аллегории, чаще всего евангельские притчи.»

- Византийские Отцы 5-8 века, Защита икон

А. Г. Дунаев - современный российский патролог, богослов, переводчик святоотеческих текстов, [пишет](#):

“В первые века христиане, следуя указаниям ВЗ и противостоянию язычникам, **не «поклонялись» иконам, которых, в сути, и не было, а были символические изображения**. Однако начиная с «имперского периода» язычество начало захлестывать христианство. И вот к началу иконоборчества магия расцвела в Империи пышным цветом: были распространены самые дикие практики, не исчезавшие и на Руси: исповедь перед иконами, причащение соскобленной краской, взятие икон в свидетели... Церковь предпочла принять в свою практику языческие обряды, наружно «христианизировав» их. Для этого были выдуманы псевдобогословские обоснования иконопочитания [...]

На одних иконах сегодня Христос изображается эфиопом, на других – китайцем, и т. д. Никаких изображений Его не сохранилось, откуда идут безуспешные попытки «православных» оправдать мифы о евангелисте Луке, образе Авгаря и прочие выдумки (самый надежный, но не бесспорный вариант тут – Туринская плащаница). Лучшее исследование на русском языке – комментированный перевод Фирсовым деяний 7 Вселенского собора, где все псевдоисторические примеры «отцов Церкви» разбиты в пух и прах... Постоянное стремление Церкви инкорпорировать в себя языческие элементы путем их «переработки», то есть практическое

воплощение идеи «симфонии» небесного и земного, следует признать в итоге туниковым путем, на котором происходит постепенный отказ от Христа и замена Его магией под самыми разными видами»

Ричард Прайс — католический священник, почётный профессор истории христианства. Занимается переводами и комментариями к Деяниям Вселенских соборов:

“Настоящая проблема для иконофилов заключалась в другом – в скудности поддержки их дела даже в золотой век отцов церкви. Иконоборцы находились в несколько более сильной позиции... Сегодня у иконоборческого движения мало сторонников, за исключением наследников Жана Кальвина. Но утверждение иконоборцев о том, что почитание изображений не восходит к золотому веку отцов церкви, тем более к апостолам, сегодня беспристрастные историки сочли бы просто верным. Иконофилический взгляд на историю христианской мысли и благочестия фактически представлял собой отрицание истории в пользу мифа о религии.”

- *The Acts of the Second Council of Nicaea (787), стр. 40, 43*

Иоанн Энтони МакГакин — православный священник, профессор богословия и историк церкви (*Honoris Causa* в Свято-Владимирской духовной семинарии):

“Христианство в ранний период, по-видимому, разделяло распространенное в иудаизме отвлечение (хотя и не абсолютное, как демонстрирует богато украшенная синагога II века в Дура-Европосе) к живописным изображениям в религиозном контексте.

Эллинистический мир был настолько глубоко погружен в искусство как религиозное средство, что и синагога, и церковь отвернулись от него в рамках своей апологии против ложного культа, а христианские мыслители вместо этого отстаивали интеллектуальную, духовную и моральную мимесис Бога как единственно допустимое изображение божественного на земле”

- “Art” in John Anthony McGuckin, *The Westminster Handbook to Patristic Theology*, стр.

32

Каллистос Уэр - православный епископ, богослов и историк:

“Использование икон в Церкви утвердилось лишь постепенно. Противостоя языческой среде, первые христиане стремились прежде всего подчеркнуть

исключительно духовный характер своего богослужения и старались избегать всего, что могло бы отдавать идолопоклонством: «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоанна 4:24).

Раннее христианское искусство – как, например, найденное в римских катакомбах – демонстрировало определённую неохоту изображать Христа напрямую, и чаще всего Он изображался в символической форме... С обращением Константина и постепенным исчезновением язычества Церковь стала менее сдержанной в использовании искусства, и к 400 году н. э. стало общепринятой практикой изображать Господа не только символически, но и напрямую.

Однако на данный момент нет никаких свидетельств того, что изображения в церкви почитались или удостаивались каких-либо внешних проявлений благоговения. **В тот период они не являлись культовыми объектами, а служили декоративным и обучающим целям...** Только в период после Юстиниана – в 550-650 годах – почитание икон в церквях и частных домах стало широко распространенным в религиозной жизни восточных христиан”

- *Christian Theology in the East 600-1453*, сmp. 191

Брайан Дейли - римско-католический учёный и иезуитский священник, отметил следующее:

“Ранние иудейская, христианская и исламская вероисповедания в целом занимали негативную позицию в отношении использования и роли религиозных изображений в жизни общины...”

- *God Visible: Patristic Christology Reconsidered*, сmp. 233

На следующей странице:

“Христианские апологеты II века, разумеется, такие как Иустин и Афинагор (Иустин, Апология 1.9, 24; Афинагор, Прошение о христианах 17-18; Послание к Диогнету 2; Феофил, К Автолику 2.2), обращались к Ветхому Завету, чтобы обрушить критику — вскоре ставшую стандартной — на «языческие» религиозные практики, сосредоточенные вокруг статуй и изображений, созданных человеческими руками.

Климент Александрийский, в целом положительно относившийся к космополитической культуре своего времени, тем не менее настаивал на том, что подлинные христиане поклоняются всецело трансцендентному Богу без помощи каких-либо изображений (Климент, Протрептик 4.1; Педагог 3.59.2; Строматы 5.1, 11-14).

Североафриканец Тертуллиан двумя десятилетиями позже противопоставлял абстрактную чистоту христианского богослужения визуальной роскоши языческого идолопоклонства (Об идолопоклонстве 3–4, 6, 18, 20)“.

Уилл Дюрант – известный историк и философ:

“В Ветхом Завете (Втор. 4:15) прямо запрещались любые «изображения любых фигур, мужских или женских, подобия любых зверей, которые на земле». Ранняя Церковь неодобрительно относилась к изображениям как к пережиткам язычества и с ужасом смотрела на языческие скульптуры, претендующие на изображение богов. Но триумф христианства при Константине и влияние греческой культуры, традиций и скульптуры в Константинополе и эллинистическом Востоке смягчили это противодействие.

По мере того как число почитаемых святых умножалось, возникла необходимость в их идентификации и увековечивании; изображения святых и Марии создавались в большом количестве; а в случае с Христом не только Его воображаемый образ, но и Его крест стали объектами почитания — даже, для простых умов, магическими талисманами.

Естественная свобода воображения среди людей превратила святыне реликвии, изображения и статуи в объекты поклонения; Люди преклонялись перед ними, целовали их, зажигали перед ними свечи и благовония, венчали их цветами и искали чудес, используя их оккультное влияние”

- The Story of Civilization, vol. 4: The Age of Faith: A History of Medieval Civilization—Christian, Islamic, and Judaic—from Constantine to Dante: A.D. 325-1300, стр. 425-26

Анри Крузель – католический служитель и иезуит, патролог, историк:

“До Никейского собора. В этот период церковные писатели не желали принимать использование, а тем более почитание изображений, хотя чаще всего выражали свою позицию косвенно: они занимали позицию в борьбе против языческого идолопоклонства, опираясь на антиизображенческие тексты Ветхого Завета.

Истинный образ Бога — это Христос, затем человечество и добродетель, которая в нём заключена: храмом христиан является человеческое тело, святилищем образа или же вселенная. Порой их неприятие идолопоклонства приводит их к противостоянию тем же аргументам, которые впоследствии были приняты защитниками почитания изображений... Одна из главных причин этого — запреты Ветхого Завета, особенно учитывая, что Декалог остается в

силе и в Новом Завете, запрет на изготовление изображений (вторая заповедь в Исх 20:4–5 или Втор 5:8–9)”

- “Image,” in *Encyclopedia of Ancient Christianity*, ed. Angelo Di Berardino and James Hoover, 3 vols, 2:322–323

Пол Корби Финни – почётный профессор, специалист по раннехристианскому искусству, археологии и истории раннего христианства:

“Как выразился один выдающийся современный византист, «иконоборцы были ближе к исторической истине, чем их противники, утверждая, что ранние христиане выступали против изобразительного искусства». Оценка Манго этого вопроса представляет собой своего рода **современный критический консенсус**: считается, что иконоборческий взгляд на раннюю церковь исторически более точен и представляет более верную реконструкцию «исторической истины», нежели противоположная позиция...

[...]

Минуций заставляет Октавия ответить на обвинение Цецилия литанией стоических банальностей. В ответ на обвинение в том, что христианство намеренно не имело внешних форм (потому что у новообращенных было что скрывать), Октавий отвечает (18.8, 32.4), что христиане верили в невидимого Бога. Конечно, у них не было изображений (32.1) — Бог уже создал свой истинный *simulacrum* в виде человеческой личности (*homo*).

То же самое относится и к храмам (32.1), предназначенным для размещения божеств: как абсурдно представлять, что люди могут вместить Бога в свои храмы, когда этот самый Бог создал всю вселенную (*mundus*), и даже она была слишком мала, чтобы вместить Его (то есть, создатель апостериори больше, чем созданное). Алтари и жертвы одинаково излишни (32.2–3). Лучшая и чистейшая жертва (32.2) предполагает принесение в жертву своего сердца, разума и совести. Невинность, справедливость и забота о ближнем: вот духовные и этические жертвы, которые приносят христиане.

Короче говоря, Октавий отказывается от культовых реалий . Его концепция культа по своей сути некультовая. Она устраняет необходимость в материальных атрибутах для поддержки поклонения, включая один из центральных культовых объектов в традиционной греческой религии, а именно священное изображение.

Важны лишь внутренние качества верующих. Бог живет (32.7) в разуме и сердце человека, и для Бога важны честное сердце (*bonus animus*), чистый разум (*pura mens*) и чистая совесть (*sincera sententia*). К этим внутренним состояниям Октавий присоединяет (32.3) типично стоические этические заботы о

справедливости, избегании зла и заботе о ближнем — короче говоря, жизнь в добродетели.

Таким образом, возникает идеализированная картина совершенного христианина, которому не нужны традиционные внешние атрибуты культа...

Примерно на протяжении 170 лет (с 30 по 200) у нас нет ни произведений искусства, ни других материальных свидетельств, отмеченных отчетливо христианскими сюжетами. Это, вероятно, означает, что то, что казалось правдой, на самом деле так и было: христиане не создали ничего материально отличающегося до начала III века..."

- *The Invisible God: The Earliest Christians on Art*, стр. 5, 41-42, 131

Рейнер Зёррис – профессор христианской археологии и истории христианского искусства:

“Вплоть до конца II века ни литературные, ни археологические источники не дают никаких свидетельств существования христианского искусства. В Новом Завете ничего не говорится об использовании изображений. Из этого молчания можно сделать вывод о недостатке интереса, обусловленном многими причинами. Одна из них заключалась в том, что раннее христианство жило в напряженном ожидании Парусии.

Другая причина состояла в том, что в борьбе против язычества (язычников, христианства язычников) изображения рассматривались как идолопоклоннические и магические знаки. Наконец, небольшое число христиан и их низкий социальный статус не позволяли им строить собственные места поклонения, которые могли бы функционировать как центры христианского искусства.

Кроме того, церковь, которая считала себя новым и истинным Израилем, рассматривала заповедь Ветхого Завета как обязательную.

Самое древнее упоминание о существовании изображения Христа относится к Иринею (ум. ок. 200 г.), который рассказывает, что гностическая секта карпократов установила и почитала изображение Христа наряду с изображениями великих философов (*Adv. haer.* 1.25.6)“.

- “Images,” in *The Encyclopedia of Christianity*, ed. Erwin Fahlbusch, Jan Milič Lochman, John Mbiti, Jaroslav Pelikan, and Lukas Vischer, 5 vols.3:658-69

Ярослав Пеликан - американский патролог и историк христианства. Почётный профессор истории Йельского университета:

“Будучи не в силах сразу одержать победу в спорных вопросах, связанных с изображениями, православные были вынуждены признать, что в пользу обычая, который, как предполагалось, основывался на апостольском и святоотеческом предании, в самом этом предании было очень мало письменных свидетельств, будь то Писание или древние христианские авторы. По сути дела, «вплоть до трехсотого года нет ни одного литературного высказывания, которое позволяло бы думать о существовании каких-либо христианских изображений, отличных от крайне скупых, иероглифических символов». Сторонники образов утверждали, что на их стороне «простая вера и неписаное предание католической Церкви», подчеркивая, что «неписаное предание есть сильнейшее»...

Будучи иудейского происхождения, раннее христианство унаследовало глубокое отвращение к идолопоклонству. Несмотря на то что трактат Фомы Эдесского «О рождестве» был заклеен как еретический, в нем автор выражал мнение всех богословских партий, описывая язычество как состояние, в котором «бессловесные идола были почитаемы, сатана поклоняем, а злые духи радовались, и бесы ликовали».

Такая позиция основывалась на божественном запрете, гласившем: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли».

Согласно Клименту, Александрийскому этот запрет означал, что всякое изображение было обманом, ибо «образ есть лишь мертвое вещество, оформленное рукою ремесленника. Мы же (христиане) не имеем никакого осязаемого образа, сотворенного из осязаемого вещества, но образ, воспринимаемый одним лишь разумом, – Бога, который есть единый истинный»... Климент не так отрицательно оценивает пластические искусства и даже приводит перечень того, что можно изображать на печатях...

Говоря о том, что у иудеев не было ни образов, ни тех, кто их делал, ученик Климента Ориген стремился доказать превосходство иудейского богослужения над языческим, называя безумием мысль о том, что какие-то рукотворные изображения могут почтить тех, кто воистину божественен.

В «Октавии», другой ранней апологии христианства, ее автор Минуций Феликс с похвалой отзывается о том, что у христиан нет образов и храмов. «Ты мнишь, – пишет он, – что, если у нас нет ни храмов, ни жертвенников, то мы утаиваем предметы нашего поклонения? Но какой образ Бога я соделаю, если – поразмысли правильно – сам человек есть этот образ?»

Эндрю Лаут - священнослужитель РПЦ (Сурожской епархии Московского Патриархата), заслуженный профессор патристических и византийских исследований Даремского университета, высказывается о том, что существует вполне устоявшийся консенсус среди специалистов по этому вопросу:

“В центре иконоборческого спора стоял вопрос о традиции: были ли иконы частью традиции — более того, апостольской традиции — Церкви, или же они являлись позднейшим нововведением? Иконоборцы ясно утверждали, что иконы не имеют никакого отношения к апостольской традиции Церкви, а представляют собой новшество, которому, по крайней мере некоторые из Отцов Церкви, оказывали сопротивление, но которое затем распространилось по всей Церкви подобно опухоли.

[...] Современная научная литература по этому вопросу почти единодушно встала на сторону иконоборцев; для большинства исследователей не вызывает сомнения, что иконы и их почитание являются поздним явлением в жизни Церкви”

- Greek East and Latin West (The Church in History Series Book 3), стр. 42-43

Робин Маргарет Джensen — католический историк-искусствовед, специалист по литургике и богословию икон:

“Одной из отличительных черт христианства первых веков н. э. является его аниконизм, то есть отсутствие антропоморфных изображений Бога или фигуры Христа, которые специально почитались бы как объекты поклонения. Более того, практически не существует неоспоримых примеров христианской изобразительной культуры из первых двух веков н. э., а сохранившиеся изображения III–IV веков носят в основном нарративный характер и вряд ли могли побуждать зрителей к их почитанию или молитве перед ними.

Иконические (то есть **не нарративные**) портреты апостолов, святых и Христа появляются в основном только к концу IV века — в то время, когда христианство стало политически, социально и экономически устойчивым...

Хотя сохранившиеся свидетельства указывают на преобладание в раннем христианстве нарративных изображений над иконическими, документы IV века уже содержат критику портретов, создаваемых преимущественно в целях религиозного почитания. Неудивительно, что более раннее изготовление и почитание христианских изображений часто приписывалось еретикам, и по крайней мере один историк XIX века связывал происхождение христианской иконографии с гностиками (Renan 1891, 539–540)”.

- Aniconism in the first centuries of Christianity

Эрнст Китцингер - историк искусства, специалист по истории Византии, раннехристианского искусства поздней античности и раннего средневековья, пишет:

“Христианское первоначальное отвлечение к изобразительному искусству коренилось в его духовности. «Но наступает время, и теперь уже настало, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине» (Ин. 4:23). Понятие одухотворённого поклонения, возможно, нашло своё самое красноречивое выражение в словах Минуция Феликса, написанных в то время, когда этот идеал уже подвергался опасности с нескольких сторон: «Вы думаете, что мы скрываем предмет нашего поклонения, потому что у нас нет святилищ и алтарей? Какое изображение Бога могу я создать, если, по здравому размышлению, сам человек есть образ Бога?...»

Как показывает этот отрывок, радикальное отвержение изобразительного искусства первобытной Церковью было неотъемлемой частью общего отвержения материальных опор в религиозной жизни и поклонении.

Сопротивление фигуративным изображениям, однако, было особенно сильным — отчасти из-за запрета на идолов, входившего в Моисеев Закон, а отчасти из-за той центральной роли, которую статуи и изображения вообще занимали в религиях греко-римского язычества.

[...]

Существовало множество способов изображения, против которых нельзя было выдвинуть серьёзных возражений на этом основании. Декоративные и символические мотивы, повествовательные и дидактические изображения — всё это было относительно безобидным, и именно в таких формах искусство и вошло в христианские молитвенные дома и на кладбища в III веке. Большая часть искусства римских катакомб выдаёт продуманную попытку избежать любого подозрения или поощрения идолопоклоннических практик”

- The Cult of Images in the Age before Iconoclasm, 88-89

Католический специалист 20-го века Хьюго Кох, выражается даже чуть более радикально в публикации специально на эту тему:

“Для Климента и Оригена Бог, разумеется, является лишь невидимым духом, и образом Бога может быть только Логос, а образом Логоса — только человек. Искусство — это занятие материей, это иллюзия и обман, и поэтому оно должно быть удалено из сферы религии. Обвинение язычников в том, что у христиан нет ни храмов, ни алтарей, ни изображений, принималось апологетами без каких-либо ограничений или оговорок, хотя это обвинение несло в себе серьёзное обвинение в атеизме. Они не отвечали: «У нас тоже есть изображения, изображения Христа, которого мы почитаем как Бога, изображения апостолов, мучеников, ангелов и

пророков, которых мы чтим». Вместо этого они отвечали: «Да, мы, христиане, действительно принципиально отвергаем храмы, алтари и изображения, потому что эти вещи недостойны истинного Бога и истинного поклонения».

[...]

Древнейшее христианство не хотело иметь ничего общего с чувственной красотой; его любовь и устремления были решительно обращены исключительно к духовной и нравственной красоте. ... ветхозаветный запрет на изображения всегда выступал в качестве основного авторитетного основания. Этот запрет, эта торжественная заповедь воспринималась и принималась не как непонятное предписание, прискорбная необходимость или временная мера, сохраняемая прежде всего по педагогическим соображениям.

[...]

Отсутствие изображений рассматривается как существенный аспект «сущности христианства», палладиум истинного божественного поклонения. **Новый и более святой Израиль не должен был отставать от старого, чье поклонение характеризовалось отсутствием образов, или опускаться на более низкий уровень. Даже эпоха иудейского храма и алтаря прошла.** Бог не мог быть представлен — ни Отец, ни Сын, — и любая подобная попытка лишь очеловечила бы и обесчестила Его, являя собой неправду и, следовательно, преступление против религии, которая была сферой абсолютной, вечной истины — сферой духовного, а не материального.

Христианство было освобождением от всех теней и образов, оно было признанием и переживанием реального и сущностного. Благодетель и поклонение христиан не были привязаны ни к месту, ни к изображению. То, чему они поклонялись и что почитали, сияло перед их душами, было начертано в их сердцах и не должно было быть написано на стене. «Определено, что в церкви не должно быть живописи, дабы тому, что почитается и обожается, не быть написанным на стенах». Поэтому не соображения целесообразности, а принципы фундаментального характера определяли отношение раннего христианства в этом вопросе...

Христианское искусство началось с жанровых орнаментальных работ, затем перешло от декоративных подходов к символизму. Переход от символических к репрезентативным сценам и к библейско-историческим изображениям происходил постепенно и поздно. Даже «добрый пастырь», и уж тем более засвидетельствованный, по-видимому, только в литературе Агонофет (Agonothetes), воспринимались символически. Первыми и на раннем этапе портреты Христа и апостолов создавали не церковные, а гностико-еретические круги...

позиция абсолютного неприятия представлена ранними апологетами, а также Эльвирским собором и такими отцами церкви, как Евсевий и Епифаний, — это позиция древнейшей Церкви. Затем мы слышим голоса, которые рассматривают изображения как украшения, а также как инструменты для наставления и

назидания, но либо не упоминают о почитании, либо прямо отвергают его: Астерий Амасийский, Иоанн Златоуст, Нил Синайский, каппадокийцы, Пруденций, Палин Ноланский, Григорий I (в отношении Августина сомнительно, принадлежит ли он к первой или ко второй категории)...

Даже когда изображения уже давно утвердились, а «дома Божьи» и «храмы» заменили места собраний, богословы и церковные деятели продолжали приписывать изображениям лишь функцию наставления и назидания, либо вообще не упоминая о благоговении, либо прямо выступая против него: изображения были подспорьем для наставления и образования необразованных, символами и книгами для неграмотных, и не более того".

- The Early Christian Image Question According to the Literary Sources

Кирилл Манго – почётный профессор, специализировавшийся на истории, искусстве, архитектуре Византийской империи и признанный одним из ведущих византинистов XX века:

"В своём обращении к церковному Преданию — а это составляло важную часть их аргументации — иконоборцы оказались ближе к исторической истине, чем их противники, утверждая, что ранние христиане были настроены против изобразительного искусства"

- The Art of Byzantine Empire 312-1453, p 150

Можно также сослаться, из «История христианской церкви» православного историка М. Поснова, на примечательный отрывок:

«В IV веке прокладывают себе путь с большим трудом, но все-таки постепенно вводятся иконы Спасителя, Божьей Матери, Апостолов и Святых, не в смысле портретов или исторических назидательных картин, а в смысле предметов для поклонения».

С Посновым можно поспорить относительно времени возникновения почитания икон (большинство специалистов датируют V–VII веками), но даже он подтверждает ключевые элементы моей позиции:

1) Доникийская Церковь – это НЕ иконодульская Церковь

2) Даже в IV веке, когда, по мнению Поснова, только-только ввелась эта практика — это было чрезмерно сложным процессом (разумеется, потому что практика встретила жёсткий отпор от эрудированных епископов/богословов)

Лесли Брубейкер и Джон Хэлдон, специалисты по византистике, в недавнем и

весьма влиятельном исследовании (католический академик из Нотр-Дама Томас Ф. К. Ноубл отзывается так: “это самая важная книга о Византии, появившаяся за мою жизнь”) пишут:

“Сохранившаяся у нас богословская литература, написанная до V века, в целом выступает против религиозной образности...”

Значение [портретов святых] значительно возросло в VI, VII и VIII веках... существует мало свидетельств, подтверждающих существование «культа священных изображений» в доиконоборческой Византии. Текстовые и материальные свидетельства подтверждают существование священных портретов, но нет никаких указаний на то, что эти изображения были объектом особого и постоянного почитания до конца VII века... **Иконоборцы 754 года были правы, когда осуждали почитание изображений как нововведение, противоречащее почтенным традициям Церкви”**

- *Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680-850, Cambridge University Press, Cambridge, 2011, стр. 42-63*

Интересно, что даже Сергей Булгаков, православный служитель, признаёт, что ранние христиане были аниконистами, и что почитание образов было взято из язычества (хоть он и считает, что в этом случае христианство взяло от язычества “просто своё”):

Христианская Церковь унаследовала от иудейства, как нечто само собою разумеющееся и имеющее силу закона, запрещение религиозных изображений, и в этом смысле **она определялась сначала скорее иконоборчески**. Для этого же существовали и более чем достаточные религиозно-нравственные или педагогические основания... **Язычество оставило христианству** уже выявленную идею иконы, так же, как и основные принципы иконописания (плоскостное изображение с обратной перспективой,¹¹ приемы изображения, орнамент и пр.). В этом свете становится естественным и понятным тот факт, что икона появляется в христианской Церкви и занимает свое место, несмотря на запрет второй заповеди и как будто вопреки этому запрету, воспринятому и христианством, молча и неприметно, как нечто само собою разумеющееся. Можно, конечно, видеть в этом прямое влияние язычества или «острую эллинизацию» христианства, подобно тому, как это усматривается в развитии христианской догмы (Гарнак).

- С. Булгаков, “Икона и иконопочитание”

Подытоживание

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем сформулировать ключевые выводы по вопросу *“является ли иконопочитание идолопоклонством с точки зрения Писания и раннехристианского Предания?”*:

1. Слабость двух «столпов» апологетики иконопочитания

- **Аргумент от Воплощения** несостоятелен, так как:
 - Он не объясняет отсутствие почитания икон ветхозаветных и новозаветных творений (праведников и ангелов);
 - Он игнорирует ветхозаветные теофании (где Бог уже являл Себя видимо, но запрещал изображения);
 - Он совершает логическую ошибку «отрицания антецедента» ($\neg A \rightarrow \neg B \not\Rightarrow (A \rightarrow B)$);
 - Он подменяет право на *изобразительное искусство* (иконографию) правом на *религиозное поклонение им* (иконодулию).
- **«Богословие иконы»** (концепция «честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу»), как оправдание религиозного почитания образов, исторически является не библейской (и, в целом, не христианской) идеей, а аргументом языческих философов-политеистов (Плотина, Порфирия, Юлиана Отступника), против которого прямо выступали раннехристианские апологеты (Афинагор, Ориген, Лактанций, Арнобий).

Кроме того, как отмечает Лактанций, даже при применимости данной “логики” как основы для создания изображений (например, родных и близких, которые далеки или нет в живых), она, эта логика, ограничена только нашим миром, так как Бог, в отличие от людей, не ограничен пространством и не мёртв.

2. Библейские данные:

Священное Писание последовательно — от Второй Заповеди Декалога и книги Второзаконие до Евангелий и Откровения Иоанна Богослова — запрещает воздавать религиозные культовые почести (προσκυνέω в культовом смысле) рукотворным объектам или творениям. Новый Завет провозглашает радикальный сдвиг к поклонению Богу *«в духе и истине»* (Ин. 4:23-24), упраздняя заикленность на материальных святынях. Попытки направить культовые действия (каждение, коленопреклонение, целование, возжжение свечей) на изображения творений подпадают под библейское определение идолослужения (или, как минимум, создания кумиров для почитания истинного Бога, по аналогии с грехом Золотого Тельца).

3. Свидетельство Ранней Церкви:

Исторический анализ показывает полный консенсус христианских авторов II–VI веков (Климент Александрийский, Тертуллиан, Ориген, Евсевий Кесарийский, Епифаний Кипрский, Августин Иппонийский, Григорий Великий), а также канонов Эльвирского собора: **культовое использование изображений чуждо и враждебно апостольскому христианству**. Среди этих авторов встречаются как радикальные, так и умеренные аниконисты, но всех их объединяет порицание религиозного почитания рукотворных образов.

Итоговый вывод

Некоторые (а особенно имеющие католический подход к теологии) могут сказать:

Хорошо, я признаю всё, что написано в отношении исторической части, но всё же на богословском уровне иконопочитание является законной практикой, так как существует “догматическое развитие”, Церковь может углублять своё понимание Откровения и именно этим путём Церковь и установила догмат иконопочитания!

Что ж, православные богословы справедливо критикуют католическую концепцию ‘догматического развития’ как инновацию, искажающую Откровение, и чуждую ортодоксальному пониманию Предания.

Но проблема ещё и в том, что иконопочитание не может быть оправдано даже в рамках этой модели. Даже если временно принять ньюменовские критерии развития (которые православие отвергает), иконопочитание им не соответствует.

Подлинное развитие предполагает органическую преемственность веры, а не радикальный разворот на 180 градусов. Ранняя Церковь не просто ‘молчала’ об иконах (имея “семена” иконопочитания) — она активно и последовательно осуждала почитание изображений как идолопоклонство.

Принять в VIII веке то, что во II–VI веках считалось грехом и языческой практикой — это **не ‘углубление понимания’, а именно разрыв с Преданием**.

Как заметил византист Кирилл Манго: “иконоборцы были ближе к исторической истине, чем их противники”.

Моё послание всем сторонам дискуссии следующее: вопрос легитимности иконопочитания — это не просто праздный или малозначимый богословский спор, а вопрос о том, **каким образом мы чтим Бога**. Ветхий Завет запрещает, Новый Завет переносит акцент на поклонение “в духе и истине”, ранняя Церковь отвергает, а историки признают, что иконодулия — позднее явление. Если христианство — это религия Откровения, а не человеческих измышлений, то у нас нет оснований настаивать на том, чего не знали ни апостолы, ни их ближайшие ученики.

При этом важно понять, что классическая протестантская позиция не отвергает христианское искусство само по себе. Изображения могут служить иллюстративными, дидактическими, мемористическими или эстетическими инструментами в жизни христианина и общины.

Однако же религиозное почитание икон (а не просто существование изобразительного искусства) является в корне антибиблейским явлением, осуждается библейским Откровением, и именно так была воспринята Библия первыми читателями-христианами.

Первобытная Церковь понимала и видела в Библии тот же смысл, который отстаивается в протестантском богословии!

Перешагивание грани, когда материальные образы становятся предметом или обязательным медиатором религиозного культа, неизбежно уводит верующего от чистоты новозаветного богочитания. В свете Библии и свидетельства древней Церкви литургическое иконопочитание не имеет апостольского основания и является чужеродным элементом, заимствовавшим логику и практики языческого мира.

Думаю, было бы неуместно обвинять православный мейнстрим в идолопоклонстве, в собственном смысле слова (поклонении материи как самому богу), но, пользуясь объяснением А. Лопухина, я назову это идолопоклонением более утончённым. Или же идолопоклонением в производном смысле (*это можно сравнить с тем, что старался делать Аарон, поддавшись желанию толпы евреев, или что хотел сделать Корнелий по отношению к апостолу Петру*).

Независимо от терминологических нюансов, суть остаётся неизменной: данная практика представляет собой форму почитания, порицаемую Священным Писанием — практику, противоречащую как библейскому Откровению, так и преданию раннехристианской Церкви.

Хочу завершить данное исследование словами из одного древнехристианского письменного памятника. Этот текст “родился в недрах Церкви” четвёртого века (а содержанием, возможно, восходит к ещё более раннему периоду), и даёт прекрасный ответ тем, кто решил поклониться изображениям или статуям, под предлогом, что так почитается сам Бог:

“И устами других змей часто говорит так: мы поклоняемся видимым образам в честь невидимого Бога. Но это, несомненно, ложь. Ибо если бы вы действительно хотели поклоняться образу Божьему, вы бы делали добро человеку и тем самым поклонялись истинному образу Божьему в нем. Ибо образ Божий есть в каждом человеке”

— *Recognitions of Clement, 5.23*